

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

**Как вам это понравится.
Много шума из ничего.
Двенадцатая ночь**

ПЕРЕВОД ЮРИЯ ЛИФШИЦА

Уильям Шекспир

**Как вам это понравится. Много
шума из ничего. Двенадцатая
ночь. Перевод Юрия Лифшица**

«Издательские решения»

Шекспир У.

Как вам это понравится. Много шума из ничего. Двенадцатая ночь. Перевод Юрия Лифшица / У. Шекспир — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851129-5

В переводе Ю. Лифшица представлены, пожалуй, три самые веселые комедии У. Шекспира: «Как вам это понравится», «Много шума из ничего» и «Двенадцатая ночь». Искрометный юмор, тонкие философские размышления, блестящие диалоги и проникновенные монологи — все это бережно передано переводчиком, сделавшим переложение произведений британского барда делом своей жизни. В оформлении обложки использована картина английского художника Уильяма Гамильтона (1751—1801) «Пьеса Шекспира «Как вам это понравится».

ISBN 978-5-44-851129-5

© Шекспир У.
© Издательские решения

Содержание

Комедии	6
Как вам это понравится	7
Действующие лица	7
Акт первый. Сцена первая	8
Акт первый. Сцена вторая	11
Акт первый. Сцена третья	17
Акт второй. Сцена первая	21
Акт второй. Сцена вторая	23
Акт второй. Сцена третья	24
Акт второй. Сцена четвертая	26
Акт второй. Сцена пятая	29
Акт второй. Сцена шестая	31
Акт второй. Сцена седьмая	32
Акт третий. Сцена первая	37
Акт третий. Сцена вторая	38
Акт третий. Сцена третья	46
Акт третий. Сцена четвертая	48
Акт третий. Сцена пятая	50
Акт четвертый. Сцена первая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Как вам это понравится. Много шума из ничего. Двенадцатая ночь

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

Переводчик Юрий Лифшиц

© Уильям Шекспир, 2017

© Юрий Лифшиц, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-1129-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Комедии

Как вам это понравится

Действующие лица

СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, живущий в изгнании.
ФРЕДЕРИК, брат герцога, узурпатор.
АМЬЕН, ЖАК, вельможи при изгнанном герцоге.
ОЛИВЕР, ОРЛАНДО, ЖАК, сыновья Роланда де Бора.
АДАМ, ДЕНИ, слуги Оливера.
ТОЧИЛЛИ, шут.
ОЛИВЕР ПУТАНС, священник.
КОРИНН, СИЛЬВИЙ, пастухи.
ВИЛЬЯМ, деревенский парень, влюбленный в Одри.
ПАСТУХ, изображающий Гименея.
РОЗАЛИНДА, дочь изгнанного герцога.
СЕЛИЯ, дочь Фредерика.
ФЕБА, пастушка.
ОДРИ, деревенская девушка.
ВЕЛЬМОЖИ, ПАЖИ и СЛУГИ.

Место действия – дом Оливера; двор Фредерика; Арденнский лес.

Акт первый. Сцена первая

Сад перед домом Оливера.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

ОРЛАНДО. Насколько я помню, Адам, мне и моему брату Жаку отец завещал по жалкой тысяче крон с тем, чтобы наш старший братец позаботился о нашем воспитании. С тех пор жизнь моя пошла наперекосяк. Жаку было дозволено ходить в школу, и о его сказочных успехах идет молва. Я же, по прихоти старшего брата, получал домашнее образование, то есть торчал дома, как обыкновенный простолюдин. Чем же я, воспитанный таким вот образом, буду отличаться от быка в стойле? Даже у лошадей брата участь завидней: их не только кормят, но и обучают всяким лошадиным премудростям. А ведь жокеи обходятся недешево. А мне, своему родному брату, Оливер милостиво разрешил расти как мне вздумается, за что я обязан ему не больше свиньи, добывающей пропитание на помойке. И за эту свою милость он, кажется, решил убить во мне ту малость, источником которой является сама природа: кормит меня наравне со слугами, не считает за брата и всячески вытравливает из меня врожденное чувство собственного достоинства. Это наконец невыносимо, Адам. Кровь отца, текущая в моих жилах, буквально вскипает от подобного унижения. Так больше продолжаться не может, хотя я ума не приложу, как выйти из этого положения.

АДАМ. А вот и мой господин, ваш брат.

ОРЛАНДО. Притаись где-нибудь, Адам, и ты лишний раз увидишь, как он издевается надо мной.

Входит ОЛИВЕР.

ОЛИВЕР. И что ты здесь творишь?

ОРЛАНДО. Ничего. Меня ничему не учили, чтобы я мог заниматься каким-либо творчеством.

ОЛИВЕР. В таком случае – что ты здесь вытворяешь?

ОРЛАНДО. Благодаря вам, сэр, я своим бездельем вытворяю такое над изделием Творца – вашим пропащим братом...

ОЛИВЕР. Воля твоя, твори, что хочешь, только постарайся не попадаться мне на глаза.

ОРЛАНДО. Что же мне, по-вашему, водить овец и питаться отрубями? Я разве промотал имение, чтобы превратиться в попрошайку?

ОЛИВЕР. Ты, видно, забыл, где находишься.

ОРЛАНДО. Как же, сэр, – в вашем саду.

ОЛИВЕР. Может, тебе напомнить, кто стоит перед тобою?

ОРЛАНДО. Не стоит. Память у меня не отшибло, чего не скажешь о том, кто стоит передо мною. Вы мой старший брат, и голос крови, благородной крови, мог бы вам напомнить о том, что и я вам не чужой. Вековая традиция, чтущая первородство, ставит вас выше, но не менее древние обычаи не отрицают моего родства с вами, будь между нами хоть двадцать братьев. У нас был один отец, но вы явились на свет раньше и только поэтому, видимо, притязаете на весь почет, который стяжал наш отец.

ОЛИВЕР. Ах ты молокосос!

ОРЛАНДО. Спокойнее, старшенький братец, спокойнее, у тебя самого еще молоко на губах не обсохло.

ОЛИВЕР. И ты дерзнул поднять на меня руку, подлец?!

ОРЛАНДО. Я не подлец. Я младший сын Ролана де Бора, дворянина, и трижды подлец тот, кто дерзнул назвать отпрыска такого отца подлым по происхождению. Не будь ты моим братом, я не успокоился бы, пока не выдрал из глотки твой гнусный язык! Ты унизил самого себя!

АДАМ (*подходя*). Не надо ссориться, добрые господа. В память вашего отца, обнимитесь.

ОЛИВЕР. Прочь руки, сказал!

ОРЛАНДО. погоди, я тебе еще не все высказал! Отец завещал тебе дать мне приличное образование, а ты растил меня среди мужиков, всячески третировал и мешал мне воспитывать в себе достоинства, присущие каждому шевалье. Дух отца взбунтовался во мне и не желает больше подчиняться произволу. Или я буду жить так, как подобает дворянину, или верни мне жалкие крохи, оставленные отцом, и я отправлюсь на поиски моей фортуны.

ОЛИВЕР. И чем ты займешься, когда прокутишь свою тысячу? Пойдешь с протянутой рукой? Впрочем, мне на тебя наплевать. Ты мне надоел. Бери свое добро и катись отсюда. Знать тебя больше не желаю.

ОРЛАНДО. Я не отстану от тебя, пока не получу своей доли.

ОЛИВЕР. И ты катись вместе с ним, старый пес!

АДАМ. Старый пес? И это за все мои труды! Однако вы правы: этот пес на вашей службе потерял все зубы. Царствие небесное моему старому хозяину! Он никогда не обидел бы верного слугу.

(ОРЛАНДО и АДАМ *уходят*.)

ОЛИВЕР. Вот, значит, как! Ты подрос и начинаешь тяфкать, юный наглец? Но я тебя укорочу, а тысячи крон ты не увидишь как своих ушей. Эй, Дени! Где ты там?

Входит ДЕНИ.

ДЕНИ. Что вам угодно, ваша милость?

ОЛИВЕР. Ко мне должен был прийти Карл, атлет герцога. Он хотел поговорить со мною.

ДЕНИ. Он уже пришел. Прикажете принять?

ОЛИВЕР. Да, пригласи его.

(ДЕНИ *уходит*.)

Ведь они завтра борются... Отличная мысль, честное слово!

Входит КАРЛ.

КАРЛ. С добрым утром, ваша милость.

ОЛИВЕР. Итак, милый Карл, что нового говорят при новом дворе?

КАРЛ. При новом дворе, сэр, старые разговоры. Новый герцог, как вы знаете, изгнал своего старшего брата, старого герцога, за которым по своей охоте последовали трое или четверо верных старику дворян. Их поместья и доходы с них достались новому герцогу, и поэтому он всячески поощряет охоту к перемене мест, возникшую у старого двора.

ОЛИВЕР. Скажите, а дочь старого герцога отправилась вместе с отцом?

КАРЛ. В том-то и дело, что нет. Как вам известно, у нее есть двоюродная сестра, дочь нового герцога. Их воспитывали вместе с колыбели, и они настолько привязались друг к другу, что одна или сопровождала бы другую в странствиях, или умерла бы с горя в разлуке с любимой

сестрой. Новый герцог почитает племянницу, оставшуюся при дворе, за собственную дочь. А уж как эти девушки любят друг друга – я вам и сказать не могу.

ОЛИВЕР. А где скрывается старый герцог?

КАРЛ. По слухам, в Арденнском лесу. Там подобралась превеселая компания молодых людей. Живут они себе припеваючи, как в доброй старой Англии времен Робин Гуда. Словом, у них там золотой век, да и только.

ОЛИВЕР. Вы, если не ошибаюсь, завтра боретесь при дворе нового герцога?

КАРЛ. Так точно, сэр, с этим-то я к вам и пришел. По словам верных мне людей, ваш младший брат Орlando намерен явиться инкогнито ко двору герцога и принять мой вызов. Завтра, сэр, будет поставлена на карту моя честь, и дешево отделается тот, кто после схватки со мной не досчитается одного-двух ребер. Брат ваш еще очень молод и чувствителен к боли. Из любви к вам я бы не хотел слишком сильно помять его, но если он все же рискнет сразиться со мной, то мне придется это сделать ради моей репутации. Я вас очень люблю и прошу или убедить юношу не становиться мне поперек дороги, или не обижаться на того, кто невольно огорчит вас. Во всем будет виновен ваш брат.

ОЛИВЕР. Благодарю тебя за любовь, Карл, и постараюсь отплатить тебе тем же. Когда я узнал о замыслах брата, я пошел на все, чтобы отговорить его. Но он несговорчив. Надо тебе сказать, Карл, этот малый переупрямит во Франции кого угодно. Этому тщеславному юнцу действуют на нервы доблести других людей. Мало того, он втайне строит козни мне, своему родному брату! Делай с ним что хочешь. Можешь сломать ему все: от позвоночника до ступни. Я умываю руки. Но имей в виду: если ты не отделаешь его на славу или схватка с тобой закончится для него бесславно, берегись. Он подсыплет тебе яду, столкнет тебя в яму на охоте, будет отравлять тебе жизнь до тех пор, пока тем или иным способом не отнимет ее. Веришь ли, – у меня сердце кровью обливается, – веришь ли, я не знаю никого, кто в таком юном возрасте отличался бы подобной низостью. Если бы он не был моим братом, и я открыл бы тебе все его нутро, мне пришлось бы краснеть и плакать, а тебе – бледнеть и ужасаться.

КАРЛ. Я рад от всего сердца, что зашел к вам. Ну, если он завтра явится, я ему за вас отплачу. И чтоб мне никогда не побеждать в схватках, если потом он обойдется без костылей! Да хранит вас Бог, ваша милость!

ОЛИВЕР. До встречи, милый Карл.

(КАРЛ *уходит*.)

Надо сделать все, чтобы этот силач не остыл до поединка. Будем надеяться, он покончит с братом. Не помню, чтобы я ненавидел кого-нибудь так же, как его. С чего бы это? Брат вроде и учтив, и благородно настроен, и воспитан, хотя и не имел гувернеров. Сердца всех людей распахиваются перед ним, а мои домашние, знающие его с детства, души в нем не чают. Из-за него я вечно остаюсь в тени. Но скоро этому придет конец. Атлет герцога разгонит тучи. Надо только настроить мальчишку Пойду-ка разыщу его. (*Уходит*.)

Акт первый. Сцена вторая

Лужайка перед замком герцога.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Ну, пожалуйста, Розалинда, сестричка моя милая, улыбнись.

РОЗАЛИНДА. Селия, радость моя, я и так поминутно улыбаюсь, а тебе хочется, чтобы улыбка навеки застыла на моем лице. Если твои уроки не заставили меня забыть изгнанного отца, то твои нравоучения не принудят меня вспомнить об оставленных мною удовольствиях.

СЕЛИЯ. Следовательно, моя любовь к тебе перевешивает твою ко мне. Вот если бы мой дядя стал герцогом, то есть если бы твой отец, изгнав моего, нас бы при этом не разлучил, то я из любви к тебе научилась бы считать твоего отца своим. И ты сделала бы то же самое, если бы любила меня по-настоящему, с такою же неподдельной пылкостью, с какою я люблю тебя.

РОЗАЛИНДА. Прикажешь мне забыть о безысходности моего положения и радоваться выгоде твоего?

СЕЛИЯ. Нет, я лишь хочу тебе напомнить, что у моего отца только одна дочь и что других детей у него нет и не предвидится. Так вот: когда он умрет, ты тоже будешь его наследницей. И все, что твой отец уступил моему поневоле, я возвращу тебе полюбовно. Клянусь небом, так и будет! И пусть я стану уродиной, если нарушу свой обет. Так неужели и теперь моя милая Роза, моя дорогая Линда не улыбнется?

РОЗАЛИНДА. Теперь, сестричка, я готова не только улыбаться, но и подумать о развлечениях. Кстати, не увлечься ли мне кем-нибудь? Что ты на это скажешь?

СЕЛИЯ. Пожалуйста. Сделай одолжение. Чем любовь не развлечение? Только не увлекайся подобными развлечениями всерьез. После любовного приключения твои щеки должны сохранить румянец невинности, а честь – не потерпеть никакого урона.

РОЗАЛИНДА. А как мы будем развлекаться?

СЕЛИЯ. Попробуем с помощью остроумия заставить милую бабушку-Фортуну внимательнее следить за своим колесом, чтобы отныне она была щедра ко всем без исключения.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы у нас это получилось! Ведь она исключительно бестолкова в распределении благ. Особенную близорукость обнаруживает эта щедрая старушка, когда осыпает благодеяниями нас, женщин.

СЕЛИЯ. Ты права. Красавицам она порой отказывает в добродетели, а добродетельных зачастую наказывает отсутствием привлекательности.

РОЗАЛИНДА. Тут ты ошибаешься. Ты считаешь Фортуна владычицей в царстве Природы. Однако Фортуна распределяет в мире только материальные блага, тогда как внешностью награждает нас Природа.

Входит ТОЧИЛЛИ.

СЕЛИЯ. Как это – ошибаюсь? Разве Фортуна не может изуродовать красоту, созданную Природой? Если мы с помощью природного остроумия насмехаемся над Фортуной, то, может быть, именно Фортуна с помощью этого дурака обрезает нить нашего разговора.

РОЗАЛИНДА. Значит, Фортуна ни во что ставит Природу, если присланный Фортуной прирожденный придурок может срезать природного остроумия.

СЕЛИЯ. Но может, ты все-таки права, и здесь замешана не Фортуна, а Природа? Что если мы, по мнению Природы, слишком тупо острым, хотя это не к лицу таким полубогиням, как мы? Тогда этот точильный камень, то есть этот дурак, направлен к нам именно Природой.

Сплошь и рядом о тупость дурака природные остряки затачивают свои остроты. – Эй, остро-слов, куда тебя несет?

ТОЧИЛЛИ. Меня послал ваш батюшка за вами, госпожа.

СЕЛИЯ. Ты теперь служишь ему посллом?

ТОЧИЛЛИ. Клянусь честью, нет. Просто он велел мне позвать вас.

РОЗАЛИНДА. От кого ты узнал эту клятву, шут?

ТОЧИЛЛИ. От одного очень странного рыцаря. Мы ели с ним говядину с горчицей и заспорили: он клялся собственной честью, что говядина еще куда ни шло, а горчица никуда не годится, а я доказывал, что говядина никуда не годится, а горчица еще куда ни шло. И все-таки, если предположить, что я был прав, ложной клятвы рыцарь не дал.

СЕЛИЯ. А как ты убедишь в этом нас, ходячая палата ума?

РОЗАЛИНДА. В самом деле, спусти с цепи свое красноречие.

ТОЧИЛЛИ. Посмотрите друг на друга, возьмитесь за подбородки и поклянитесь своими бородами, что я плут.

СЕЛИЯ. Будь у нас бороды, мы бы поклялись ими, что ты плут.

ТОЧИЛЛИ. Будь я плутом, я бы тоже в этом поклялся. Но если бы вы поклялись тем, чего у вас нет, вы не дали бы ложной клятвы. Не солгал и тот рыцарь, поклявшись собственной честью, которой у него отродясь не было. Нет, возможно, она у него и была когда-то, но он утопил ее в ложных клятвах задолго до того, как ему подали говядину с горчицей.

СЕЛИЯ. О каком рыцаре, скажи на милость, ты ведешь речь?

ТОЧИЛЛИ. О том, который сейчас в чести, по милости вашего отца.

СЕЛИЯ. Тот, кто в чести у моего отца, не может быть бесчестным. Ты обнаглел, шут. Попридержи язык, пока тебе его не укоротили.

ТОЧИЛЛИ. Досадно, что дуракам запрещено разумно оценивать дурацкие поступки благоразумных людей.

СЕЛИЯ. Ты говоришь сущую правду. С тех пор как дуракам запретили пользоваться имеющейся у них каплей разума во благо умным, стала куда заметнее капля дурости, имеющаяся у благоразумных людей. Смотрите, к нам идет господин Де Форс.

РОЗАЛИНДА. Обремененный новостями.

СЕЛИЯ. Которыми он нас закормит, как голубь свой выводок.

РОЗАЛИНДА. И от этого мы растолстеем.

СЕЛИЯ. Благодаря чему приобретем более товарный вид.

Входит ДЕ ФОРС.

Здравствуйте, господин Де Форс. С чем это вы к нам пожаловали?

ДЕ ФОРС. Очаровательная принцесса, очень сожалею, но вы упустили возможность посмотреть поучительную картину.

СЕЛИЯ. Картину? А в каких тонах?

ДЕ ФОРС. Виноват, госпожа, но я не знаю, что вам ответить.

РОЗАЛИНДА. То, что подскажет остроумие и удача.

ТОЧИЛЛИ. Или присоветует провидение.

СЕЛИЯ. Ты хватил через край, шут.

ТОЧИЛЛИ. Как и положено шуту.

РОЗАЛИНДА. Тогда твое положение очень шатко.

ДЕ ФОРС. Сударыни, вы поставили меня в тупик. Я только хотел вам сказать, что вы упустили случай понаблюдать за поединком борцов, вот и все.

РОЗАЛИНДА. И что вы имели нам сообщить?

ДЕ ФОРС. С вашего разрешения, я начну с начала. Хотя состязание было прервано на самом интересном месте, окончание борьбы ваша светлость может увидеть здесь, потому что именно здесь схватка продолжится.

СЕЛИЯ. Прекрасно. Но где же ваше начало? Убито и зарыто?

ДЕ ФОРС. Вызов приняли старик и трое его сыновей...

СЕЛИЯ. Недурное начало для сказки.

ДЕ ФОРС. Трое добрых молодцев, писанных красавцев...

РОЗАЛИНДА. С надписью на шее: «Доводится до сведения каждого...».

ДЕ ФОРС. Не успел выйти старший брат, как борец герцога по имени Карл схватил его и ударил оземь. Боюсь, у молодого человека переломаны кости. Жизнь его висит на волоске. Среднего и младшего постигла та же участь. Они лежат без движения, а несчастный старик-отец горько сетует на постигшую их судьбу. Наблюдать за страданиями этой семьи выше человеческих сил.

РОЗАЛИНДА. Бедолаги!

ТОЧИЛЛИ. Виноват, господин Де Форс, какую такую поучительную картину не увидала очаровательная принцесса?

ДЕ ФОРС. Ту, о которой я только что рассказал.

ТОЧИЛЛИ. Не скоро, видимо, я поумнею. Я и не подозревал, что наблюдать за игрой в сломанные кости – поучительно для принцесс.

СЕЛИЯ. Разделяю твое недоумение.

РОЗАЛИНДА. Стало быть, еще нашлись охотники превратить свое тело в ударный инструмент? Или попасть на прием к костолому? Стоит ли нам смотреть на это, сестра?

ДЕ ФОРС. Если вы не уйдете с этой лужайки, вам придется стать свидетельницами борьбы. Как я уже говорил, она будет продолжена именно здесь и именно сейчас.

СЕЛИЯ. Делать нечего, остаемся. Тем более, что сюда уже идут.

Трубы. Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ, ОРЛАНДО, КАРЛ и СЛУГИ.

ФРЕДЕРИК. Приступим. Если этот самоуверенный юноша глух к голосу разума, пусть пеняет на себя.

РОЗАЛИНДА. Кого имеет в виду дядя?

ДЕ ФОРС. Вон того молодого человека.

СЕЛИЯ. Бедненький, он и впрямь чересчур молод. Но, судя по его виду, не сомневается в своих силах.

ФРЕДЕРИК. Верить ли глазам? Селия, Розалинда? Неужели вы решили посмотреть на борьбу?

РОЗАЛИНДА. С дозволения вашей светлости.

ФРЕДЕРИК. Вряд ли вы получите удовольствие от схватки столь неравных противников. Жаль юношу, которому захотелось бороться с Карлом. Я пытался отговорить несчастного, но он еще больше разохотился. Может быть, вам удастся его отохотить.

СЕЛИЯ. Попросите его подойти к нам, милейший Де Форс.

ФРЕДЕРИК. Желаю вам преуспеть. А я отойду в сторону, чтобы не смущать его. (*Отходит.*)

ДЕ ФОРС (*подходя к ОРЛАНДО*). Господин охотник до борьбы, принцессам угодно пригласить вас для разговора.

ОРЛАНДО. Почту за честь повиноваться им.

РОЗАЛИНДА. Чего ради, юноша, вам пришла охота вызвать Карла?

ОРЛАНДО. Простите, очаровательная принцесса, это он возымел охоту вызвать всех кому не лень. А я, глядя на других, захотел узнать, чего стоят мои молодые силы.

СЕЛИЯ. Ах, юноша, вы по молодости лет склонны их переоценивать. Разве вы не видели, какие жестокие уроки дает этот силач? Если бы вам дано было увидеть себя в сравнении с ним и сделать из этого надлежащие выводы, то чувство самосохранения посоветовало бы вам укротить вашу смелость. Умоляем вас, подумайте о себе, оставьте ваше намерение, и оставайтесь целым и невредимым.

РОЗАЛИНДА. Нам бы этого очень хотелось, молодой человек. Герцог по нашей просьбе отменит состязание, и ваша честь не пострадает.

ОРЛАНДО. Поверьте, для меня сущее наказание – уронить себя в ваших глазах. С моей стороны грешно отказывать в чем бы то ни было столь очаровательным и блестящим леди. Да помогут мне ваши нежные взоры и благородные помыслы. Но если меня одолеют, утратит славу тот, кто никогда не имел ее; если убьют, могила примет того, кому нечем жить; меня не станут оплакивать друзья, которыми я не успел обзавестись; мир останется целым и невредимым, потому что мне нечего взять с собою; пустоту, образовавшуюся из-за моего ухода, заполнит тот, кто лучше меня.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы я могла влить в ваши силы каплю своих!

СЕЛИЯ. А я подлить свою.

РОЗАЛИНДА. Ступайте. И дай нам Бог ошибиться в вас!

СЕЛИЯ. И пусть воплотятся ваши самые заветные желания.

КАРЛ. Ну-с, где наш юный рыцарь, который желает до срока очутиться в объятиях матери-земли?

ОРЛАНДО. Он здесь, сэр, но его желания не заходят так глубоко.

ФРЕДЕРИК. Напоминаю, проигравшим считается тот, кто упадет первым.

КАРЛ. Ваша светлость, хоть вам и не удалось отговорить его от первой попытки, на вторую вы его уже не уговорите. Это я вам обещаю.

ОРЛАНДО. Если вы до боя истратите все свои насмешки, едва ли вам придется посмеяться после него. Давайте начинать.

РОЗАЛИНДА. Сохрани тебя Геркулес, юноша!

СЕЛИЯ. Будь я невидимкой, я бы сбила с ног этого здоровяка.

КАРЛ и ОРЛАНДО борются.

РОЗАЛИНДА. Да он просто великолепен, этот юноша!

СЕЛИЯ. Ах, если бы мои глаза метали молнии, они бы знали кого поразить!

КАРЛ падает. Рукоплескания и крики.

ФРЕДЕРИК. Ну, хватит, хватит!

ОРЛАНДО. Ваша светлость, что вы?

Я даже не размялся.

ФРЕДЕРИК. Как там Карл?

ДЕ ФОРС. Увы, мой повелитель.

ФРЕДЕРИК. Унесите.

Как, юноша, зовут тебя?

ОРЛАНДО. Орландо.

ФРЕДЕРИК. А твоего отца?

ОРЛАНДО. Ролан де Бор.

Я младший сын его.

ФРЕДЕРИК. Я предпочел бы,

Чтоб не его ты называл отцом.

Снискал он уважение народа,
А для меня заклтым был врагом.
Тебя б я за победу наградил,
Будь не таким твое происхождение.
Ты молод, смел, такие мне нужны.
Назвался бы ты иначе... Прощай.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, СВИТА и ДЕ ФОРС уходят.)

СЕЛИЯ. На месте моего отца, сестрица,
Я так бы никогда не поступила!
ОРЛАНДО. Я младший сын де Бора, дворянина, —
Что титулы твои мне, Фредерик,
Когда такой отец был у меня!
РОЗАЛИНДА. В Ролане мой отец души не чаял.
Все разделяли мнение отца.
И если б молодой де Бор назвался,
Я б на коленях юношу молила
Не подвергать опасности себя.
СЕЛИЯ. Сестра, поздравим юного героя.
Завистливая отповедь отца
Буквально покорила меня. —
С победою заслуженною, сэр.
И если вы прославились в любви,
Как славиться в бою, благословенна
Возлюбленная ваша.
РОЗАЛИНДА. Шевалье!

(Снимает с шеи цепочку и подает ОРЛАНДО.)

Та, от кого Фортуна отвернулась,
Не только это вам бы отдала,
Но на руках оковы у нее.
Сестрица, мы идем?
СЕЛИЯ. Идем, сестрица.
До скорой встречи, милый шевалье.
ОРЛАНДО. Что же это я? Не поблагодарил?
Невежей стал? Бесчувственным столбом?
Стою как пень, как чучело для рубки!
РОЗАЛИНДА. Позвал он? Вот и гордости конец,
Как и надежде счастье обрести. —
Вы не меня позвали, шевалье?
И где вы так бороться наловчились?
Не одного соперника сегодня
Смогли вы на лопатки положить.
СЕЛИЯ. Ну, что же ты, сестра?
РОЗАЛИНДА. Иду. Прощайте.

(РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ уходят.)

ОРЛАНДО. Чем я смущен? Лишился языка?
Она ждала ответа – я смолчал.
Орландо злополучный! Ты повержен
Не силой мышц, а хрупкостью любви.

Возвращается ДЕ ФОРС.

ДЕ ФОРС. Я вам как друг советую, милейший,
Бежать и поскорей. Не обольщайтесь
Заслуженною славой при дворе:
Ее не в вашу пользу истолкует
Неистовый и злобный Фредерик:
Подвержен он немислимым страстям.
Я вас прошу мне на слово поверить,
И не рискуйте перепроверять.

ОРЛАНДО. Спасибо, сэр. Не скажете ли мне,
Которая дочь герцога из двух
Свидетельниц окончившейся схватки?

ДЕ ФОРС. По нраву, сэр, ни та и ни другая,
А по природе, – та, что ниже ростом.
А та, что выше, нежели сестра, —
Дочь прежнего владыки Розалинда.
Ей дядя-узурпатор разрешил
Остаться при двоюродной сестре:
Друг другу сестры ближе, чем родные.
Но герцога давно уж раздражает
Прекрасная племянница его,
И только потому, что все вокруг
Твердят о добродетелях ее
И сострадают дочери изгоя.
Но я клянусь, что скоро он сорвется,
И девушке несдобровать. Прощайте.
Когда наступят лучшие времена,
Я к вам приду о милости просить.

ОРЛАНДО. Спасибо за участие. Прощайте.

(ДЕ ФОРС уходит.)

Я из огня да в полымя, бедняк:
Брат – враг по крови, герцог – кровный враг.
Но Розалинда – ангел во плоти.

(Уходит.)

Акт первый. Сцена третья

Покои в замке.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Не может быть, Розалинда, сестричка! С нами Купидон! Неужели ни одного слова?

РОЗАЛИНДА. Ни единого. Дворняжке он бы, наверное, и то бросил бы одно-другое.

СЕЛИЯ. Но своими словами ты, пожалуйста, не бросайся: эти перлы не для дворняжек. Швырни-ка их мне, уничтожь меня умозаклечениями.

РОЗАЛИНДА. Хороши же мы будем, если одну из нас уничтожат умозаклечения, а другую – сведет с ума их отсутствие.

СЕЛИЯ. Касающихся твоего отца?

РОЗАЛИНДА. Разумеется, отца, но только отца моего будущего ребенка. Ах, до чего же богата шипами наша жизнь!

СЕЛИЯ. Нет, это репы, которыми порой бросают в нас дурачащиеся бездельники. А в основном репы пристают к нашим платьям, когда мы сами прокладываем себе дорогу.

РОЗАЛИНДА. Платье можно почистить, но эти шипы застряли в моем сердце.

СЕЛИЯ. Попробуй, может, они выйдут с кашлем.

РОЗАЛИНДА. Я бы не прочь, если бы звуки кашля могли зазвать его сюда.

СЕЛИЯ. Нет, ты должна побороть свои желания.

РОЗАЛИНДА. Увы, на их стороне лучший из борцов.

СЕЛИЯ. Не падай духом. А если уж борешься, помни: борьба чревата падениями. Но шутки шутками, а если не шутя: можно ли ни с того ни с сего до умопомрачения влюбиться в младшего сына старого де Бора?

РОЗАЛИНДА. Но мой отец, бывший герцог, был без ума от его отца.

СЕЛИЯ. И поэтому ты должна сходить с ума от его сына? Исходя из этого, я должна его невзлюбить, поскольку мой отец до безумия не любил его отца.

РОЗАЛИНДА. Не шути так. Ты не должна его не любить, хотя бы ради меня.

СЕЛИЯ. А за что мне его, собственно говоря, не любить? Разве он не заслуживает любви?

РОЗАЛИНДА. За заслуги я его и полюбила, а ты полюби его за то, что он заслужил мою любовь. Смотри, сюда идет твой отец.

СЕЛИЯ. Как он сурово смотрит, посмотри!

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК со СВИТОЙ.

ФРЕДЕРИК. Коль скоро ты в живых остаться хочешь,
Оставь наш двор.

РОЗАЛИНДА. Вы это, дядя, мне?!

ФРЕДЕРИК. Тебе, племянница, и ты умрешь,
Когда за пару дней не удалишься
На двадцать миль от нашего дворца.

РОЗАЛИНДА. Но будьте милосердны, государь.
Прошу мне объяснить, в чем я грешна.
Когда сама себя я понимаю,
Не сплю и вроде не сошла с ума, —
Во мне и мысли даже не рождалось,

Чтоб вам, любезный дядя, ваша светлость,
Какую-то обиду нанести.
ФРЕДЕРИК. Предатели всегда так говорят,
И ежели изменника послушать, —
Покажется, святой заговорил.
РОЗАЛИНДА. Вы мне не доверяете, но это
Не делает изменницей меня.
В чем доказательство моей вины?
ФРЕДЕРИК. В том, что ты дочка своего отца.
РОЗАЛИНДА. Я дочь того, чей титул вы забрали,
Я дочь того, кого изгнали вы.
Но дети не наследуют измен.
А если б мы за близких отвечали,
Я ни при чем: отец мой не изменник.
Не делайте ошибки, ваша светлость,
Напрасно не вините сироту.
СЕЛИЯ. Отец, позвольте...
ФРЕДЕРИК. Селия, молчи!
Ее терпел я здесь из-за тебя,
Не то б она отца сопровождала.
СЕЛИЯ. Не я вас умолила разрешить
Остаться ей со мною при дворе:
Вы были так мудры и так добры.
Я в детстве не совсем сестру ценила,
Хотя мы с нею были неразлучны,
Не расставались даже по ночам.
Теперь же... коль изменница она,
То и меня изменницей зовите.
Как лебеди в упряжке у Юноны,
Мы неразрывно связаны с сестрой.
ФРЕДЕРИК. Но ведь она коварна! Тихой сапой
В доверье к людям вкралась Розалинда:
Все бедную жалеют сироту.
Она тебя обкрадывает этим.
Не возражай, дуреха, без нее
Заблещешь добродетелями ты.
Своих вердиктов я не отменяю:
Пока я герцог, ей не место здесь.
СЕЛИЯ. Пусть ваш вердикт коснется и меня:
Мне без нее не жить.
ФРЕДЕРИК. Ты просто дура!
А ты, племянница, поторопись.
Клянусь тебе: удержишься — умрешь.
Я в слове тверд.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК и СВИТА уходят.)

СЕЛИЯ. Бедняжка Розалинда!
И что теперь нам делать? Может быть,

Нам следует отцами поменяться?

Пожалуйста, не плачь – ведь я не плачу.

РОЗАЛИНДА. Есть повод плакать только у меня.

СЕЛИЯ. Ничуть, сестра. Есть повод улыбнуться.

Неужто ты не поняла, что герцог

И дочь свою прогнал.

РОЗАЛИНДА. Не поняла...

СЕЛИЯ. Выходит, ты меня совсем не любишь.

А если бы любила, – ты бы знала,

Что мы с тобою слиты воедино.

Кто разорвет нас? Что нас разлучит?

Отцу я не наследница отныне.

Да разве я смогла бы отпустить

Тебя с твоей тоской наедине?

Клянусь судьбою, вынудившей нас

Бледнеть от горя, я тебя не брошу.

Ты можешь что угодно говорить,

Но я, представь себе, уже решила,

Куда и как бежать и что нам взять.

РОЗАЛИНДА. Ну, и куда?

СЕЛИЯ. В Арденнский лес, конечно!

Поищем дядю, твоего отца.

РОЗАЛИНДА. Пускаться в путешествие такое

Нельзя девицам. Падки негодяи

Не так на деньги, как на красоту.

СЕЛИЯ. Одеться надо, как простолюдинки,

А лица умброй загримировать.

На нас тогда никто и не посмотрит.

И побредем себе.

РОЗАЛИНДА. А может, лучше

В мужской одежде мне пуститься путь?

Ведь выше я, чем средняя из женщин.

Кинжал в руке, дубинка на плече —

И буду я, по-женски трепеща,

На доблестного мужа походить.

Так зачастую трус мужеподобный

Геройствует, испытывая страх.

СЕЛИЯ. Как назовешься, будучи мужчиной?

РОЗАЛИНДА. Как мальчуган, украденный Кронидом:

Ведь я ничем не хуже Ганимеда.

И ты б сменила прозвище свое.

СЕЛИЯ. Сироттой я, наверно, назовусь,

Как и пристало изгнанной отцом.

РОЗАЛИНДА. А если б ты придворного шута

Уговорила с герцогом расстаться,

Нам было б с ним в дороге веселей.

СЕЛИЯ. Шута и уговаривать не надо:

Меня не бросит этот остролов.

Давай-ка деньги наши сосчитаем,

Обсудим час, когда верней бежать,
И как, сбежав, погоню обмануть.
Пойдем же. Добровольное изгнание —
Для нас свобода, а не наказание.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена первая

Арденнский лес.

Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ в охотничьих костюмах.

ГЕРЦОГ. Друзья мои, собратья по несчастью,
Войдя во вкус, мы зажили в лесу
Счастливее, чем прежде, во дворце.
Жить в роскоши опасней, чем в глуши,
Где лишь природа вымещает зло
На нас за первородный грех Адама.
Пускай клыки холодные свои
Вонзает в тело ветер и мороз,
Пускай терзает вьюга и пурга,
Я, из последних сил смеясь, шепчу:
«Вы не льстецы. Со свитою такую
Измены никакие не страшны».
Мы счастье и в несчастье обретаем,
Как драгоценный камень в голове
У жабы, ядовитой и поганой.
Вдали от света внятны стали нам
И лепет лип, и речи ручейков,
И говор гор, и смысл существования.
Я жить иначе больше не хочу.

АМЬЕН. Блаженна ваша светлость, если может
Так истолковывать удар судьбы, —
С таким изяществом и благородством.

ГЕРЦОГ. Аминь. А не убить ли нам оленя?
Хотя, когда в бока пятнистых дурней
Впивается двужалая стрела
И кровь течет из подданных лесных,
Я чувствую убийцею себя.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Да, ваша светлость, это удручает
И Жака, меланхолии слугу.
Ваш брат, который свергнул с трона вас,
По мненью Жака, менее виновен,
Чем вы, себе присвоив этот лес.
Сегодня мы с Амьеном наблюдали
За этим чудачком: под старым дубом,
Чьи корни ручеек лесной размыл,
Жак возлежал. Туда приковывал
Олень, изнемогающий от раны.
Лес оглашал он стонами такими,
Так тяжело бока его вздымались,
Растягивая бархатную шкуру,
Что нам казалось, лопнуть может он.
Текли большие слезы по щекам

Рогатого лесного бедолаги.
Так жалкий гладкошерстный дуралей
Пред Жаком, меланхолии добычей,
Склонился, умирая, над водой
И заливал ручей ручьями слез.
ГЕРЦОГ. Едва ли Жак при виде этой сцены
Морали надлежащей не извлек.
ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. О! В тысячах сравнений. Для начала
Он бедному оленю попенял:
«Как золото дарить ростовщику,
Так и ручей водою увлажнять».
Потом насчет панбархатных друзей,
Покинувших в несчастьи оленя,
Прошелся Жак: «Увы! Когда мы в горе,
Куда они деваются, – друзья?».
А тут они возьми и проскачи,
Лоснящимися шкурами сверкая.
На это Жак, вздыхая, произнес:
«Бегите, вы, заплывшие от жира.
Такие уж настали времена.
Какое дело вам до бедолаги,
Который обездолен и убит?».
И тут он гневной речью разразился,
Хуля весь мир, лачуги и дворцы
И нас и вас. Мы, он божился, хуже,
Чем узурпаторы и палачи,
Когда животных из родного дома
Мы изгоняем или губим их.
ГЕРЦОГ. Вы уходили – он все говорил?
ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Да, государь, о плачущем олене
Он говорил и плакал вместе с ним.
ГЕРЦОГ. И где же он? С ним спорить интересно,
Когда он в меланхолии своей:
Тогда он полон всяческих идей.
ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Могу я вам помочь его найти.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена вторая

Покои во дворце.

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ *и* СВИТА.

ФРЕДЕРИК. Что вы сказали? Их никто не видел?

Неправда. Не удался бы побег

Без ведома придворных интриганов.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Последними могли принцессу видеть

Лишь дамы, ей стелившие постель.

Они и донесли, что поутру

Не оказалось в спальне госпожи.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Нет и шута презренного, который

Вас, ваша светлость, часто веселил.

Когда мы допросили камеристку,

Гесперию, она нам показала,

Что славили двоюродные сестры

Достоинства и доблесть силача,

Что Карла на лопатки положил.

Куда бы ни отправились беглянки,

Она божится, юноша при них.

ФРЕДЕРИК. Пусть старший братец младшего найдет.

Откажется – сюда его тащите.

Я сам поговорю с ним. Выполняйте.

Допрашивайте всех подряд, найдите

Во что бы то ни стало этих дур!

(Уходят.)

Акт второй. Сцена третья

Перед домом Оливера.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

ОРЛАНДО. Ты что, Адам?

АДАМ. Вы здесь, мой господин?

Мой славный, мой достойный господин?

Зачем вы здесь, второй Ролан де Бор?

Зачем за доблесть люди любят вас?

Зачем вы благородны и храбры?

Зачем вы перед герцогом капризным

Атлета обеславили его?

Вам не нужна была такая слава:

Вы, господин мой, из таких людей,

Которым их достоинства вредят.

Вас предали, прикинувшись святыми,

Все ваши совершенства, господин.

Будь проклят мир, в котором совершенства

Владельцам их способны навредить!

ОРЛАНДО. Ты что, рехнулся?

АДАМ. Юный неудачник!

Не приближайтесь к месту, где живет

Ваш враг, во всем завидующий вам,

Ваш брат... нет, он не брат... но все же сын...

Нет, и не сын... Язык не повернется

Сказать, что сын он своего отца.

О вас он слышал и сегодня хочет,

Когда уснете, дом ваш подпалить.

Он твердо вас настроен погубить:

Не спалит – так зарубит топором.

Он думал вслух об этом, я подслушал.

Бегите! Здесь не дом, а скотобойня,

Здесь смерть живет, не вздумайте входить!

ОРЛАНДО. Куда же мне, Адам, теперь податься?

АДАМ. Куда угодно, только не сюда.

ОРЛАНДО. Ты предлагаешь мне пойти с сумой?

Иль на большой дороге промышлять

При помощи презренного меча?

Осталось это, больше ничего.

Но нет! Умру – на это не пойду!

И пусть кровавый брат меня убьет,

Пусть кровь мою он пьет, братоубийца!

АДАМ. Так не пойдет. Пятьсот монет на службе

У вашего отца я отложил.

Они пошли б в кормильцы старику,

Когда он, одряхлевший и больной,

Был бы, как тряпка, брошен в уголок.
Вот золото. Пусть кормит старика
Тот, Кто небесным птицам не дает
Погибнуть без еды. Все эти деньги
В дар от меня примите, господин.
Поверьте, я еще могу работать,
Поскольку в юности не принимал
Я зелья горячительного внутрь
И не искал постыдных удовольствий,
Которые нам тело разрушают:
Меня мой возраст, как мороз, бодрит —
Ведь я здоров. Меня с собой возьмите.
Я лучше молодого послужу
И пригожусь вам.

ОРЛАНДО. Славный мой Адам!
Прообраз образцового слуги.
Ты жил в те баснословные года,
Когда не ради выгоды служили.
Такие люди вымерли давно.
Сейчас у всех лишь деньги на уме;
Расчет не успевают получить, —
Бросают службу. Ты им не чета.
Но, бедный мой старик, твои труды
Пойдут насмарку: дерево ты выбрал
Подгнившее, оно не даст плодов.
Но все ж идем. Еще не опустеет
Твой в юности набитый кошелек,
А мы себе подыщем уголок.

АДАМ. Да, господин, пора идти в бега.
Пока дышу, я верный твой слуга.
Я начинал здесь жить в семнадцать лет,
А в семьдесят у вас мне жизни нет.
В семнадцать лет идут искать судьбу,
А в семьдесят — пора бы спать в гробу.
Но если не возьмете вы слугу,
Умрет он у хозяина в долгу.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена четвертая

Арденнский лес.

Входят РОЗАЛИНДА в мужском костюме, СЕЛИЯ, одетая пастушкой, и ТОЧИЛЛИ.

РОЗАЛИНДА. О Юпитер! Наше путешествие вытрясло из меня всю душу.

ТОЧИЛЛИ. Охота была думать о душе, когда ноги так и трясутся от усталости.

РОЗАЛИНДА. Кажется, я сейчас обещашу свое мужское одеяние, того и гляди, расплачусь, как женщина. Хотя немощный сосуд, спрятанный в этот камзол и эти штаны, обязан более стойко переносить невзгоды по сравнению с более немощным, заключенным в этой юбке. Что ж, приходится поддерживать слабейшего: держись, милая Селия.

СЕЛИЯ. Я совершенно выбилась из сил. Жаль, что тебе приходится возиться со мною.

ТОЧИЛЛИ. Возиться с вами – это еще куда ни шло. Большого сожаления заслуживал бы тот, кому пришлось бы везти вас на своем горбу. Хотя он вряд ли надорвался бы. Убежден, в вашем кошельке нет ни одного герба, чтобы расплатиться с предполагаемым владельцем горба.

РОЗАЛИНДА. Наконец-то мы добрались до Арденнского леса!

ТОЧИЛЛИ. Вы правы, я добрался до Арденнского леса... еще большим дураком: дома я чувствовал себя гораздо лучше в этом отношении. Впрочем, путники должны испытывать восторг во время всего путешествия.

РОЗАЛИНДА. Так уж повелось, милый Точилли... Но тише? Мне слышались голоса мужчин, пожилого и молодого. Кажется, сюда идут.

Входят КОРИНН и СИЛЬВИЙ.

КОРИНН. Поступишь так – она тебя прогонит.

СИЛЬВИЙ. О, знал бы ты, Коринн, как я влюблен!

КОРИНН. Догадываюсь – я и сам влюблялся.

СИЛЬВИЙ. Тебе не догадаться, старику,

Хотя б ты был влюбленнее влюбленных,

Ночами умиравших от любви.

Но если ты любил, как я люблю —

Никто так не любил, но предположим, —

Как много глупостей ты совершил,

Охваченный любовною горячкой?

КОРИНН. Достаточно. Их все и не упомнить.

СИЛЬВИЙ. Тогда не говори, что ты любил!

Раз ты не помнишь, как ничтожный повод,

Сводил тебя, влюбленного, с ума,

Ты не любил, Коринн, ты не любил!

Раз ты с речами о своей любимой,

Как я, не приставал к кому попало,

Ты не любил, ты не любил, Коринн!

Раз ты не покидал, как я, друзей

В разгар веселья, страстью опьяненный,

Коринн, ты не любил, ты не любил! —

О Феба, Феба, Феба, Феба, Феба!

(Уходит.)

РОЗАЛИНДА. Ах, пастушок, стенания твои
Разъели рану сердца моего.

ТОЧИЛЛИ. И моего тоже. Помнится, когда я любил Джен Смейс, я изломал свой кинжал о камень за то, что он имел наглость остаться у нее на ночь. Вспоминаю, как я обцеловывал ее подвойник и коровье вымя, которое теребили ее прекрасные, покрытые цыпками ручки. А еще я помню, как я в ее присутствии объяснялся в любви к гороховому стручку. Потом я распотрошил его, подал ей две горошины и разрыдался. «Храни их в память обо мне», – вот все, что я смог сказать. Поистине, только мы, влюбленные, совершаем такие глупости. И немудрено: в этом мире ничто не вечно, поэтому вечновлюбленные – мировые глупцы.

РОЗАЛИНДА. Ты даже не подозреваешь, умник, как разумно твое последнее замечание.

ТОЧИЛЛИ. Я до тех пор не замечаю своего ума, пока он, зайдя за разум, не подставит мне ножки.

РОЗАЛИНДА. Юпитер! В столах пастушка
Жила моей любви тоска.

ТОЧИЛЛИ. А также и моей, хотя моя
Не так свежа уж, впрочем, как и я.

СЕЛИЯ. Пожалуйста, не дайте умереть,
Спросите пожилого человека,
Где нам достать еды.

ТОЧИЛЛИ. Эй ты, дурак!

РОЗАЛИНДА. Молчи, придурок! Он тебе не брат!

КОРИНН. Вы кто такие?

ТОЧИЛЛИ. Чище мы, чем ты.

КОРИНН. Да, мы живем в грязи.

РОЗАЛИНДА. Молчи, сказал. —
Дружище, добрый вечер.

КОРИНН. Вечер добрый
Вам также, господа.

РОЗАЛИНДА. Скажи, пастух,
Найдется ль в этих дебрях тот, кто мог бы
Нам здесь гостеприимство оказать —
За золото, не за одно спасибо?
Мы с девушкой, она идти не может
И очень голодна.

КОРИНН. Мне жаль бедняжку!
И жаль теперь вдвойне, что не могу
Ей надлежащим образом помочь.
Я лишь пастух, по милости фортуны.
Мне жалованье платят лишь за то,
Чтоб я водил овец, а их стрижет
Хозяин мой, природный скупердяй,
Не знающий, что путь на небеса
Отыщет он лишь на стезе радушья.
К тому ж он объявил, что продает

И пастбище и стадо, и уехал.
Поэтому достойной вас еды
В овчарне нет. Но милости прошу
Вас к моему простому шалашу.
РОЗАЛИНДА. А кто здесь купит пастбище и стадо?
КОРИНН. Тот пастушок, что говорил со мной.
Немного вот денег подсоберет.
РОЗАЛИНДА. Другище, если это не бесчестно
По отношению к твоему дружку,
Купи для нас овчарню и овец.
СЕЛИЯ. Тебя мы не забудем. Здесь прелестно,
И я не прочь пожить у вас, в глуши.
КОРИНН. Купить все это может кто угодно.
Идемте. Если деньги есть у вас
И если жить вам нравится на воле,
Во мне найдете верного слугу:
Я это все для вас купить могу.

(Уходят.)

Акт второй. Сцена пятая

Другая часть леса.

Входят ЖАК, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ.

АМЬЕН (*поет*). Кто любит шум листвы
И ложе из травы,
Кто мог бы над ручьем
Петь вместе с соловьем,
Ко мне, сюда, мой брат!
Спеши под сень лесов!
Здесь нет твоих врагов, —
Лишь ветер, дождь и град!

ЖАК. Продолжайте, продолжайте, умоляю вас, пойте дальше!

АМЬЕН. Но это нагонит на вас меланхолию, господин Жак.

ЖАК. Вот и хорошо. Продолжайте петь, умоляю вас. Я упиваюсь меланхолией, высосанной из песни, как ласка содержимым яйца. Прошу вас, пойте!

АМЬЕН. Но у меня нет никакого голоса. Моим пением нельзя наслаждаться.

ЖАК. Мне дела нет до вашего голоса, я не собираюсь наслаждаться вашим пением, я только хочу послушать, как вы поете. Продолжайте свою шансонетку. Ведь это шансонетка, не так ли?

АМЬЕН. Можете называть мою песенку шансонеткой, воля ваша.

ЖАК. Мне все равно, как ее зовут: она мне ничего не задолжала. Споете вы или нет, в конце концов?

АМЬЕН. Спую, спую. Но не для собственного, а для вашего удовольствия.

ЖАК. Наконец-то. Если я отблагодарю кого-нибудь за песню, благодарность моя достанется вам. Знаете, вежливые люди напоминают мне кривляющихся обезьян. Когда некто благодарит меня за что-либо, мне кажется, он выпрашивает у меня милостыню и – в качестве нищего – заранее мне за нее благодарен. А теперь пойте. А вы, если не хотите петь сами, не мешайте другим.

АМЬЕН. Хорошо. Пока я буду заканчивать песню, вы, господа, соберите на стол. Герцог сегодня обедает под этим деревом. Кстати, он весь день не мог вас найти, господин Жак.

ЖАК. Значит, я весь день хорошо прятался от него. Его отношение ко мне чересчур спорно. Голова у меня соображает не хуже, но я молча благодарю за это небеса, а не навязываю никому своих соображений. Ну, пойте, пойте!

ВСЕ ВМЕСТЕ (*поют*). Кому милей простор,
Чем суета и двор.
Кто делит с бедняком
Нажитое трудом,
Ко мне, сюда, мой брат!
Спеши под сень лесов!
Здесь нет твоих врагов, —
Лишь ветер, дождь и град!

ЖАК. А я к этой мелодии вчера присочинил еще один куплет: графомания одолела, знаете ли...

АМБЕН. Ну, так спойте.

ЖАК. Пожалуйста. (Поет.)

А если спрохвала
Играешь роль осла,
То можешь наконец
Покинуть свой дворец.
Курлы, курлы, курлы!
Под сень густых лесов
Отправиться готов, —
Но и в лесу ослы!

АМБЕН. А что такое «курлы»?

ЖАК. В Греции на это магическое слово откликались круглые дураки. Ну все, я пошел спать, если бессонница не одолеет. А если одолеет, буду выдумывать египетские казни для первенцев земли египетской.

АМБЕН. А мне надо найти герцога: пора обедать.

(Расходятся в разные стороны.)

Акт второй. Сцена шестая

Другая часть леса.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

АДАМ. Ах, мой господин, я так голоден, что еле передвигаю ноги. Не заставляйте полумертвого старика идти дальше, дайте ему спокойно помереть.

ОРЛАНДО. Как же так, Адам? Неужели ты до такой степени слаб в коленках? Не умирай, пожалуйста, переведи дух, прибодришься. Если в этой чащобе мне попадется съедобное животное, то пусть оно пообедаст мною, если я не приготовлю из него обеда для тебя. Не умирай в воображении, прежде чем умрешь на самом деле. Соберись с силами и прогони смерть, хотя бы для того, чтобы не огорчать меня. Или уж дождись, пока я приду с охоты. Я скоро вернусь и принесу тебе или еды, или разрешение умереть. Но если ты умрешь без разрешения, я буду считать твой поступок насмешкой над моими стараниями. Здорово сказано, верно? Вот ты и улыбнулся. Дождись меня, хорошо? Только не на открытом месте. Я перенесу тебя туда, где не так дует. Я не дам тебе умереть без обеда, если, конечно, в этом лесу есть из кого его приготовить. Не унывай, милый Адам! (*Уходят.*)

Акт второй. Сцена седьмая

Другая часть леса. Под деревом накрыт стол.

Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ.

ГЕРЦОГ. Он, верно, сам оленем стал, утратив

И образ, и подобье человека?

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Он был здесь, государь. Стоял и слушал,

Как мы поем, и даже нам подпел.

ГЕРЦОГ. Что? Если какофония запела,

Разладится гармония небес.

Ищите Жака, он мне очень нужен.

Входит ЖАК.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Он нам пошел навстречу: сам нашелся.

ГЕРЦОГ. И вам не стыдно, сударь? Как же так?

Друзья без вас тоскуют. Вам смешно?

Вам весело?

ЖАК. Я встретил дурака!

В лесу дурак! Отъявленный! Набитый!

В дурацком платье! Жалкая судьба:

Попасть, как я, шуту на язычок!

Дурак валял на солнце дурака

И поносил Фортуны остроумно;

Остро, умно – хотя и невпопад.

«Привет, дурак!» – сказал я. Он ответил:

«Нет, вы не правы – мне ведь не везет!».

Потом достал карманные часы

И, мутновзоро вглядываясь в них,

Заметил мудро: «Десять набежало.

Вот так, сквозь пальцы время и уходит.

Без часа десять было час назад

И десять с часом будет через час.

Мы поминутно зреем, созревая,

И, увядая, вянем в тот же миг.

Вот наша жизнь!». Когда глупец несчастный

Мне лекцию о времени прочел,

То над глубокомыслием глупцов

Смеялся я до колик в животе,

Смеялся до упаду битый час!

Он засекал, мой дурень благородный!

Бесценный шут! Возлюбленный дурак!

Ах, как ему идет его колпак!

ГЕРЦОГ. Откуда здесь он взялся, не пойму?

ЖАК. Придворным был мой драгоценный шут.

«Красавицы, – сказал он, – молодые

Мой ум ценили». В голове его,
Засохшей, как несъеденный бисквит,
Немало позабытых изречений
И метких наблюдений, каковые,
Перелопатив, он пускает в свет.
Ах, мне бы с ним местами поменяться!

ГЕРЦОГ. Нарядом – тоже?

ЖАК. Да! Но обещайте
Своих суждений грядку прополоть;
Из них одно, – о том, что я умен,
Разросшееся буйно, – истребить.
Я привилегий ветра добиваюсь:
Свободно дуть куда ни захочу.
Кто будет ранен глупостью моей,
Пусть рассмеется – что взять с дурака!
Зачем смеяться? Это так же ясно,
Как в церкви петь священные псалмы.
Ведь человек, которого кольнет
Дурак остротой, будет в дураках,
Не проявив бесчувственность к насмешкам.
Так обнажают глупость мудрецов
Намеками небрежными глупцы.
Давайте мне дурацкий плащ и право
Болтать о чем угодно, – я берусь
Очистить этот прокаженный мир,
Когда он стал бы у меня лечиться.

ГЕРЦОГ. Я знаю, чем был кончилось лечение.

ЖАК. Чем – на пари, – как не выздоровленьем?

ГЕРЦОГ. Клеймить порок – вот худший из пороков

Того, кто сам развратничал когда-то,
Своей животной похоти служа.
Тебя твоя свобода наградила
Лишь опухольями и гнойниками.

Ты б ими заразил наш бренный мир.

ЖАК. Ужель, громя гордыню вообще,
На личности упреки переносят?
Иль не кипит она, как море в шторм,
Пока не утомится в клекотанье?
Кого из женщин городских заденешь
Словами, что иные горожанки
Нарядов королевских недостойны?
В кругу своих соседок, кто из женщин
Подумает такое о себе?
Ответит ли беднейший из людей
На твой вопрос, где взял он свой наряд,
Что выклянчил? Скорей всего, солжет
И тем откроет собственную глупость, —
И волен ты высмеивать ее.
Но разве этим ты его унизишь?

Он ложью унижает сам себя.
Скажи он правду, шуточек твоих,
Как уток перелетных, никому
Присвоить не удастся. – К нам идут.

Входит ОРЛАНДО с мечом в руке.

ОРЛАНДО. Не ешьте больше!
ЖАК. Мы еще не ели.
ОРЛАНДО. Не ешьте вовсе, дайте есть нужде.
ЖАК. Откуда взялся этот петушок?
ГЕРЦОГ. Скажи нам, ты от горя обнаглел
Иль отродясь на вежливость плюешь
И правил никаких не соблюдаешь?
ОРЛАНДО. Вы правы, сэр. Горчайшая нужда
Ожесточила сердце мне настолько,
Что я теперь невежею кажусь,
Хотя я знаю правила приличья,
Поскольку жил в столице. Но не смейте,
Я повторяю, к пище прикасаться,
Пока я сам не удовлетворен,
Не то умрете.
ЖАК. Первым я умру,
Когда мы вас не удовлетворим.
ГЕРЦОГ. Скорее силой вашей доброты,
Мы к вам добрее станем, а не силой.
Что вам угодно?
ОРЛАНДО. Дайте мне еды.
ГЕРЦОГ. Присаживайтесь к нашему столу.
ОРЛАНДО. Вы разрешили? Я прошу прощенья!
Я полагал, что все здесь одичали,
И вел себя как подлинный дикарь.
Но для чего б вы здесь ни собрались,
Транжируя время в этой глухомани,
Не замечая медленных часов
Под сенью элегических ветвей, —
О, если улыбалась вам удача
И если мил вам звон колоколов,
И если другу радовались вы,
И если плакали от состраданья
Иль кто-нибудь вам, плача, сострадал, —
Пусть вежливостью станет принужденье:
Бросая меч, надеждою горю.
ГЕРЦОГ. Вы правы: улыбалась нам удача,
Крестились мы под звон колоколов,
Друзей любили, близким сострадали
И сострадали нам. А посему
Подсаживайтесь, добрый человек.
К услугам вашим кушанье любое,

Которое придется вам по вкусу.
ОРЛАНДО. Простите, но я должен отлучиться.
Я, словно лань, сначала накормить
Обязан олененка своего.
Со мной слуга. Из верности ко мне
Он в путь пустился. К возрасту в придачу
Его терзает голод. Мне придется
Терпеть, пока старик мой не поел.
ГЕРЦОГ. Ступайте, мы без вас не будем есть.
ОРЛАНДО. Храни вас Бог за вашу доброту!

(Уходит.)

ГЕРЦОГ. Есть люди несчастливее, чем мы.
И не сравнить трагическую пьесу,
Что ставится в театре мировом,
С той буколическою пасторалью,
Которую разыгрываем мы.
ЖАК. Весь мир – подмостки, наша жизнь – спектакль,
А мы – обыкновенные актеры:
Выходим и уходим, отыграв
Свои семь актов, перевоплощаясь
По ходу пьесы. Первый акт: дитя
Агукает и пачкает пеленки.
Потом розовощекий мальчуган,
Сопливый лодырь шагом черепашьям
Идет, портфель свой в школу волоча.
Потом любовник глазкам посвящает,
Пылая жаром, жалкие стишки.
Потом солдат: гривастый, точно лев,
Безбожник, выпивоха, скандалист,
Лакей фортуны, пушечное мясо.
Вновь перевоплощение: судья
С холеной бородой, законник строгий,
Пузатый рвач, набитый каплунами
И книжною премудростью сухой.
Еще метаморфоза: тощий скряга
В домашних туфлях, в ношеном халате,
В очках по близорукости, в штанах,
Когда-то облежавших, а теперь
Висящих мешковато; бас мужской
Сменяется надтреснутым сипеньем.
Но хроника чудесных превращений
Идет к концу. В последней сцене пьесы:
Склеротик, впавший в детство; ни зубов,
Ни зрения, ни слуха, ни-че-го.

Возвращается ОРЛАНДО, несущий на руках АДАМА.

ГЕРЦОГ. Добро пожаловать. Садитесь вместе
С почтенной вашей ношею за стол.

ОРЛАНДО. Не столько за себя, как за него
Благодарю вас.

АДАМ. Да, мой господин,
Я сам благодарить еще не в силах.

ГЕРЦОГ. Не стоит благодарности. К столу.
Я буду нем, пока вы голодны. —
Не слышу музыки. Дружище, спойте.

АМЬЕН (*поет*). Мети, мети, снежок!
Ты менее жесток
Неблагодарных глаз.
Шутить ты не привык,
Но таешь в тот же миг,
Когда ужалишь нас.
Хей-го! Пой хей-го! Под сенью ветвей
Ни глупой любви, ни продажных друзей!
Хей-го! Под сенью ветвей
Рады мы жизни своей!

Крепчай, крепчай, мороз!
Страшней твоих угроз
Завидующий взор.
Ты студишь лоно вод,
Но холодней, чем лед,
Коварство и раздор.
Хей-го! Пой хей-го! Под сенью ветвей
Ни глупой любви, ни продажных друзей!
Хей-го! Под сенью ветвей
Рады мы жизни своей.

ГЕРЦОГ. И если верить я могу глазам,
И предо мною младший сын Ролана,
Как мимоходом мне шепнули вы —
Его портрет, отчетливый и точный, —
Я очень рад вам. При моем дворе
Его любили. О судьбе своей
Расскажете потом, в моей пещере.
Старик, ты тоже у меня в гостях.
Идти не может он, займитесь им.
А мы, мой друг, в пути поговорим.

(*Уходят.*)

Акт третий. Сцена первая

Покои во дворце.

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ОЛИВЕР, ДВОРЯНЕ и СЛУГИ

ФРЕДЕРИК. И ты не знаешь, где он? Это ложь!
Скажи спасибо, милосерден я,
Не то мне было б все равно, на ком
Сорвать обиду – раз ты налицо.
Достань мне брата хоть из-под земли,
Хоть днем с огнем ищи. Живой ли, мертвый, —
Но в год найтись он должен, а иначе
Средь подданных моих себя не числи.
На этот срок владеньями твоими
И всей землею мы завладеваем,
Пока не засвидетельствует брат,
Что ты вне подозрений

ОЛИВЕР. Ваша светлость,
Готов поклясться вам, что никогда
Орландо я за брата не считал.

ГЕРЦОГ. Какая мерзость! Гнать его взашей!
А я уж позабочусь, чтобы нынче
Забрали на законном основанье
В казну твои поместья. Вон отсюда!

(Уходят.)

Акт третий. Сцена вторая

Арденнский лес.

Входит ОРЛАНДО с листком бумаги. Прикрепляет бумагу к дереву.

ОРЛАНДО. Повисни здесь, свидетель грез любви,
А ты, Диана, божество ночей,
Очами чистыми благослови
Пресветлый лик охотницы твоей.
О, Розалинда! Врезаны в кору
Моей души влюбленной письма.
Прочтут на каждом дереве в бору,
Как ты чиста, прекрасна и скромна.
Стальным стилем я выражу в лесу
Твою невыразимую красу.

(Уходит.)

Входят КОРИНН и ТОЧИЛЛИ.

КОРИНН. Ну, господин Точилли, нравится ли вам жить в деревне?

ТОЧИЛЛИ. Видишь ли, пастух, вообще-то жить в деревне мне очень нравится, но жить деревенской жизнью – значит, по-моему, вообще не жить. Жизнь вдаль от городской суеты совершенна, но жить в такой глуши совершенно неинтересно. Жить здесь полезно для здоровья, но пользоваться жизнью здесь просто невозможно. Да, жизнь без излишеств мне по душе, но жизнь, лишенная разнообразия, грозит мне несварением желудка. Это философия, пастух. Как ты к ней относишься?

КОРИНН. Никак. Зато я твердо знаю: если человек часто болеет, здоровье у него неважное. А если он испытывает нужду в деньгах, еде и одежде, то ему недостает трех преданных друзей. А если попадешь под дождь, промокнешь, а в огонь – сгоришь. А у хорошего пастуха жирные овцы. А ночью на небе нет солнца, и поэтому темно. А если кто и неумен и неучен, то он либо дурак от природы, либо рожден от дураков-родителей.

ТОЧИЛЛИ. Да ты от природы философ, пастух. Но бывал ли ты при дворе?

КОРИНН. Где уж нам.

ТОЧИЛЛИ. Ох и поджарят тебя в аду за это.

КОРИНН. Это еще почему?

ТОЧИЛЛИ. А потому. Философ, который не был при дворе, в аду уподобится яйцу, пропеченному наполовину, то есть тебя, пастух, поджарят с одного бока.

КОРИНН. Неправда, за это не поджаривают.

ТОЧИЛЛИ. А тебя поджарят. Если ты не был при дворе, то ты и понятия не имеешь о вежливости. Стало быть, ты – невежа. А невежество – тяжкий грех. За это тебя, грешника, и поджарят. Короче говоря, молись, пастух.

КОРИНН. Чуть это все, господин Точилли. В деревне над вежливостью придворного будут точно так же зубоскалить, как будут смеяться при дворе деревенскому невежеству. Сами же говорили, что придворным не кланяются, а руки целуют. Но вежливость по отношению к придворному превратится в нечистоплотность, если применить ее к пастуху.

ТОЧИЛЛИ. Поясни мне это на примере.

КОРИНН. Пожалуйста. Мы, пастухи, все время с овцами возимся, и руки у нас вечно жирные от их шкур.

ТОЧИЛЛИ. По-твоему, руки у придворных не потеют? Какая, скажи на милость, разница между овечьим жиром и человеческим потом? Пример неудачный, очень неудачный. Попробуй еще разок.

КОРИНН. Кожа у нас на руках грубая.

ТОЧИЛЛИ. Но губы об нее все равно не поранить. Снова мимо. Напрягись, пастух.

КОРИНН. А деготь у нас на руках? Мы им овец лечим. Прикажете деготь целовать, что ли? У придворных-то ручки небось мускусом пахнут.

ТОЧИЛЛИ. Дурачина ты простофиля! Ты просто падаль по сравнению с той же овцой. Слушай меня и мотай на ус. Деготь более благородного происхождения, нежели мускус, сырье для которого добывают из кошачьих желез. Ты меня не убедил, пастух, продолжай.

КОРИНН. Где уж мне убедить придворного философа. Я с вами во всем согласен.

ТОЧИЛЛИ. То есть ты согласен угодить на сковородку? Господи, смилуйся над этим кретином! Излечи его, Господи, от идиотизма!

КОРИНН. Что вы привязались к честному человеку, сэр? Я кормлюсь своим трудом, сам себя обуваю и одеваю, ни с кем не враждую, радуюсь успехам ближнего и никому не жалуюсь на неприятности. А когда у меня и овцы сыты, и ягнята здоровы, я просто счастлив.

ТОЧИЛЛИ. Ах ты дурень! Ведь это же великий грех – заниматься случкой баранов и овец. А ты зарабатываешь на жизнь, спаривая скотину. Да ты просто старый сводник: отдавать годовалую ярочку крутолобому самцу-рогносцу да еще без брачного контракта! Если тебя за это не поджарят, то сам дьявол за пастухов. Словом, не представляю, как ты избежнешь сковородки.

КОРИНН. Смотрите, вон мой новый господин Ганимед, брат молодой госпожи.

Входит РОЗАЛИНДА, читая бумагу.

РОЗАЛИНДА. «Всех богатств в долине Инда
Мне дороже Розалинда.
От Рифея и до Пинда
Всех прекрасней Розалинда.
Ровен ствол у тамаринда,
Но стройнее Розалинда.
Краше Розы, чище Линды
Светлый образ Розалинды...».

ТОЧИЛЛИ. Лично я могу извлекать из себя такие рифмы восемь лет кряду с учетом времени на еду и сон. Именно в таком ритме позвякивают пустые бидоны у молочницы, едущей с рынка.

РОЗАЛИНДА. Отстань, дурак!

ТОЧИЛЛИ. Не угодно ли убедиться?

И по-русски, и на хинди
Все поют о Розалинде.
Бросит Розу, кинет Линду,
Кто увидит Розалинду.
Взор ее сияет, инда
Всех затмила Розалинда.
Я большой имею чин, да

Лучше чина Розалинда.
Сам себе я господин, да
Мной владеет Розалинда.
Так люблю ее, что вынь да
И положи мне Розалинду.

Это же сущий галопад двустий. Берегитесь, эти аллюротворения заразны.

РОЗАЛИНДА. Молчи, дурак! Я нашла эти стихи на дереве.

ТОЧИЛЛИ. Зря вы сорвали с него такие незрелые плоды.

РОЗАЛИНДА. Если привить к нему тебя, выскочка, вместе с мушмулой, то плодами с этого дерева мы будем лакомиться раньше всех. Ты – в качестве плода – сгниешь недозрелым, благодаря чему мушмула обретает истинный вкус.

ТОЧИЛЛИ. Как вам будет угодно. Но говорить в лесу такие слова? Что он о вас подумает?

Входит СЕЛИЯ, читая бумагу.

РОЗАЛИНДА. Молчи! Сестра читает. Не мешай!

СЕЛИЯ. Тишина. Безлюден бор,
Но идет среди ветвей
Стихотворный разговор
Языком любви мой, —

Что мгновенно человек
Пробегаёт жизни круг;
Что за час промчится век,
Если друга бросит друг.

Но о чем в лесной глуши
Речь ни шла бы между крон,
Каждый звук моей души
Розалинде посвящен.

И поймет любой, кто в лес
Ни придет, что слиты в ней
Благостынею небес
Совершенства прежних дней.

Все, чем девушек других
Одарило небо врозь,
По велению сил благих
В Розалинде собралось.

Лик Елены был ей дан,
Клеопатры гордый вид,
Атланты стройный стан,
Честь Лукреции и стыд.

Взять повелел совет божеств
У той – лицо, у этой – стать,

Чтоб совершенством совершенств
Могла бы Розалинда стать.

Ее удел быть вечным образцом,
А мой – навеки быть ее рабом.

РОЗАЛИНДА. О милосерднейший из пастырей! Немилосердно с вашей стороны нагонять скуку на вашу паству такой нудной любовной проповедью и не сказать перед нею: «Запаситесь терпением, друзья мои».

СЕЛИЯ. Вы еще не ушли, друзья мои? Пастух, забирай своего друга и иди с ним куда-нибудь.

ТОЧИЛЛИ. Придется, пастух, с честью отступить. Пусть без возов и подвод, зато с сумкой и подсумком.

(КОРИНН и ТОЧИЛЛИ уходят.)

СЕЛИЯ. Как тебе стихи?

РОЗАЛИНДА. Так себе, сестрица, тем более что в последних строчках стоп несколько больше, чем в предыдущих.

СЕЛИЯ. На них и опираются эти стихи.

РОЗАЛИНДА. Видишь ли, хромым стихам не помогут никакие подпорки. Мало того, лишние стопы, не находя опоры в хромых стихах, только усиливают их хромоту.

СЕЛИЯ. Ну, конечно, чуть ли не все деревья в лесу испещрены нашим именем, а нас это не касается.

РОЗАЛИНДА. Нет, я не могу оставаться равнодушной к этому стихийному бедствию. Уже дней девять мне попадают стихи, вроде тех, какие я нашла на пальме. Посмотри. Пожалуй, со времен Пифагора мне не ставили стихотворных силков. Хотя я не могу утверждать это наверное, поскольку была в то время ирландской крысой.

СЕЛИЯ. Тебе известно, кто поэт?

РОЗАЛИНДА. Наверное, мужчина, как и все поэты.

СЕЛИЯ. Как ты догадалась? И у него на шее твоя золотая цепь. Ты покраснела, покраснела!

РОЗАЛИНДА. Да кто же он, скажи на милость?

СЕЛИЯ. Господи Боже мой! Гора сходится с горою благодаря землетрясению, тогда как человеку встретиться с человеком нет никакой возможности.

РОЗАЛИНДА. Но кто же он, кто?

СЕЛИЯ. Ты это серьезно?

РОЗАЛИНДА. Селия, помилосердствуй! Я ведь не отстану, пока ты мне его не назовешь.

СЕЛИЯ. Странно это все, очень странно, донельзя странно и даже более чем странно! Особенно после всех моих намеков.

РОЗАЛИНДА. Еще бы мне не покраснеть! По-твоему, если я вырядилась мужчиной, то и сущность моя расхаживает в камзоле и штанах? Миг ожидания для меня по-прежнему подобен времени, за которое можно совершить не одно кругосветное путешествие. Говори, умоляю тебя! И как можно скорей. Ах, если бы ты была заикой, имя таинственного незнакомца выплеснулось бы из тебя, как вино из бутылки с шипучкой: или все, или ничего. Молю тебя, откупорь свои уста, напои жаждущую своей вестью.

СЕЛИЯ. Но если ты выпьешь мою весть до дна, то рискуешь подавиться мужчиной.

РОЗАЛИНДА. Всамделишным мужчиной? Мужчиной из плоти и крови? Если да, то кто он? Чем занимается? Носит ли шляпу? С бородою или без?

СЕЛИЯ. С небольшой бородкой.

РОЗАЛИНДА. Дай ей Бог отрасти, если этот мужчина благочестив. Я подожду, пока у него вырастет большая борода, если ты без проволочек расскажешь, как он выглядит с маленькой.

СЕЛИЯ. Сдаюсь. Это юный Орlando, одолевший в одном бою и силача и твое слабое сердце.

РОЗАЛИНДА. Орlando?

СЕЛИЯ. Орlando.

РОЗАЛИНДА. Вот ведь горе-то! На что мне теперь сдались эти штаны и камзол? Когда ты его видела? Что он делал? Что говорил? Как выглядел? Откуда взялся? Что ему нужно? Он спросил обо мне? Где он сейчас? Где он тебя встретил и когда ты его снова увидишь? Отвечай как можно короче, одним-единственным словом.

СЕЛИЯ. Пожалуйста, если ты мне подаришь рот Гаргантюа: для такого слова – даже одного-единственного – мой чересчур мал: однословный ответ окажется более пространным, чем все Священное Писание.

РОЗАЛИНДА. А он знает, что я тоже здесь, в лесу, и превратилась в мужчину? Он случайно не изменился с тех пор как одержал свою блестящую победу?

СЕЛИЯ. Наверное, песчинок в пустыне меньше, чем вопросов у влюбленных. Я дам тебе всего лишь кусочек моего открытия, и не моя вина, если от этого твой аппетит только разыграется. Орlando, когда я набрела на него, валялся, словно желудь, под дубом.

РОЗАЛИНДА. Если на дубе созревают такие плоды, то это дерево Юпитера, не иначе.

СЕЛИЯ. Прошу не перебивать, милая барышня.

РОЗАЛИНДА. Слушаю и повинуюсь.

СЕЛИЯ. Орlando лежал, вытянувшись во весь рост, словно раненый рыцарь.

РОЗАЛИНДА. Как печально он, должно быть, выглядел, но как ему это, видимо, шло!

СЕЛИЯ. Умоляю, приструни свой язык. Что-то он у тебя слишком разболтался нынче. Твой рыцарь был в охотничьем костюме.

РОЗАЛИНДА. Ох, чуяло беду мое сердце! Недаром он мне его прострелил.

СЕЛИЯ. А нельзя ли без припева? Я не могу петь, когда меня то и дело сбивают с ритма.

РОЗАЛИНДА. Можно подумать, ты не женщина и не знаешь, что мы не в силах держать свои мысли при себе. Говори же, милая Селия!

СЕЛИЯ. Ты мне совсем голову заморочила. Но тише! Не он ли это идет сюда?

РОЗАЛИНДА. Он, он! Давай спрячемся и понаблюдаем.

(СЕЛИЯ и РОЗАЛИНДА прячутся.)

Входят ЖАК и ОРЛАНДО.

ЖАК. Спасибо за беседу, но, поверьте, мне куда интереснее беседовать с самим собой.

ОРЛАНДО. Мне тоже. Но позвольте учтивости ради поблагодарить за беседу и вас.

ЖАК. Дай Бог вам всего хорошего. Полагаю, наша следующая встреча состоится нескоро.

ОРЛАНДО. Будет лучше, если она вообще не состоится.

ЖАК. Я только прошу вас не осквернять деревьев столь слабыми любовными стишками.

ОРЛАНДО. А я в свою очередь прошу вас не портить моих стихов столь скверной декламацией.

ЖАК. Ее, стало быть, зовут Розалиндой?

ОРЛАНДО. Вы исключительно догадливы.

ЖАК. Не нравится мне это имя.

ОРЛАНДО. К сожалению, вам не предложили стать ее крестным отцом.

ЖАК. Какого она роста?

ОРЛАНДО. Достаточно высокого, если дотянулась до моего сердца.

ЖАК. Как изысканны ваши ответы! Вы, вероятно, общались с женами ювелиров, изучая вместе с ними надписи на кольцах.

ОРЛАНДО. Ошибаетесь. А вы, судя по вашим вопросам, хорошо вызубрили надписи на обоях.

ЖАК. Какой у вас легкий ум. Полагаю, тут не обошлось без пяток Аталанты. А что если нам присесть и вместе поиздеваться над мировым порядком, терзающим нас моровыми язвами разного рода?

ОРЛАНДО. В этом мире есть только одно живое существо, над которым я могу издеваться, – это я сам: я совершил немало непоправимых ошибок.

ЖАК. И самая главная из них – ваша любовь к Розалинде. Это в самом деле непоправимо.

ОРЛАНДО. Эта моя ошибка стоит всех ваших удач. Вы меня утомили.

ЖАК. Не моя вина, что я в поисках шута набрел на вас.

ОРЛАНДО. А в ручье искать не пробовали? Посмотритесь в него, – может быть, шут утонул в воде.

ЖАК. В ручье я не увижу ничего, кроме своего отражения.

ОРЛАНДО. В котором вы узнаете либо шута, либо шут знает что.

ЖАК. Мне больше не о чем с вами говорить. Прощайте, милейший синьор Любовь.

ОРЛАНДО. Скатертью дорога, милейший господин Меланхолия.

(ЖАК уходит.)

РОЗАЛИНДА (СЕЛИИ). Мне хочется порезвиться. Я надену на себя личину развязного лакея и поговорю с ним. (*Выходит на сцену.*) Эй, как вас там, охотник, идите-ка сюда.

ОРЛАНДО. Пожалуйста. Что вам угодно?

РОЗАЛИНДА. Узнать, который теперь час.

ОРЛАНДО. Вы, наверное, хотите узнать, какое теперь время суток? В лесу часов не наблюдают, их здесь ни у кого нет.

РОЗАЛИНДА. Жаль. Жаль, что в лесу нет ни одного влюбленного, а то бы он своими ежеминутными вздохами и ежесекундными стонами, как заведенные часы, извещал бы лес о ленивой поступи Времени.

ОРЛАНДО. То есть о стремительной поступи Времени? Разве не так?

РОЗАЛИНДА. Не совсем так, сэр. Каждый из нас ощущает поступь Времени по-своему. Одному кажется, что Время идет иноходью; другому, – что оно несется аллюром; для третьего оно летит галопом; по мнению четвертого, Время не движется вовсе.

ОРЛАНДО. А для кого Время несется аллюром?

РОЗАЛИНДА. Для девушки в период между помолвкой и венчанием. В семь предсвадебных дней Время втискивает для нее целых семь лет.

ОРЛАНДО. А для кого Время идет иноходью?

РОЗАЛИНДА. Для неграмотного священника и для пышущего здоровьем богача. Первый не возится с книгами и поэтому спит сном праведника, а у второго ничего не болит, и он веселится напропалую. Один не надрывается в погоне за сухими и бесплодными знаниями, а здоровье другого не подорвано иссушающей тяжестью нужды. Для них Время идет шагом.

ОРЛАНДО. Так. А для кого оно летит галопом?

РОЗАЛИНДА. Для вора, которого ведут вешать. Как ни оттягивает он время казни, оно приближается к нему семимильными шагами.

ОРЛАНДО. А для кого Время не движется вовсе?

РОЗАЛИНДА. Для адвоката в отпуске. Он живет только во время судебной сессии, а до и после нее спит без просыпу и ему не до Времени.

ОРЛАНДО. А где живет столь ученый юноша?

РОЗАЛИНДА. Моя хижина находится на опушке леса, как узор на подоле юбки. А эта пастушка – моя сестра.

ОРЛАНДО. Вы и родились в этих местах?

РОЗАЛИНДА. Да, как кролик, живущий в месте своего рождения.

ОРЛАНДО. Вы слишком красноречивы для пастуха; это качество нельзя приобрести в деревне.

РОЗАЛИНДА. Не вы первый заметили это. Я нахватался учтивых речей от моего престарелого и набожного дядюшки, а он – от женщин, которых любил в молодости, когда жил в столице. Слава Богу, я не женщина, а то он мне прочел столько лекций на тему о вреде любви, что, будь я женщиной, мне было бы не по себе от чудовищных обвинений, предъявляемых им всему женскому сословию.

ОРЛАНДО. А не говорил ли он вам, который из женских грехов наихудший?

РОЗАЛИНДА. Среди них трудно было выделить наихудший. Они были похожи друг на друга, как полупенсовые монетки. Не успевал я прийти в ужас от одного греха, как приходилось ужасаться другому.

ОРЛАНДО. Не могли бы вы назвать хотя бы один из них?

РОЗАЛИНДА. Нет, вам мой бальзам ни к чему. Другое дело, если бы вы оказались тем тяжелобольным, который калечит молодые деревья. Этот малый настолько боготворит свою Розалинду, что вырезает ее имя на коре, увешивает ветки боярышника одами, а ветки терновника – элегиями. Этому горе-вздыхателю я бы помог: у него, насколько я могу судить, рецидив любовного помешательства.

ОРЛАНДО. Помогите мне, прошу вас. Ведь именно меня трясет эта падучая любви.

РОЗАЛИНДА. Я вам не верю. У вас нет ни одного симптома болезни, о которой я знаю со слов дяди. Он научил меня ставить диагноз влюбленным, а вы, убежден, не являетесь постояльцем этого сумасшедшего дома.

ОРЛАНДО. А может, вы осмотрите меня как следует?

РОЗАЛИНДА. Попробую. Итак, симптом первый: впалые щеки – этого у вас нет; симптом второй: мешки под глазами – у вас таковых не наблюдается; подавленное настроение – не имеется; спутанная борода – тоже, хотя это простительно, поскольку с этого имения прибыль у вас такая, какая полагается младшему брату. Но где же неподпоясанные штаны, помятая шляпа, расстегнутые манжеты, расшнурованные башмаки, – то есть где ваша неопрятность, присущая лицам, зараженным любовной проказой? Всего этого у вас нет. Более того, ваш наряд весьма тщателен, и я скорей допущу, что вы влюблены в себя и пользуетесь взаимностью, нежели страдаете безответной любовью к кому-нибудь другому.

ОРЛАНДО. Страдаю, милый юноша, еще как страдаю! Жаль, что это выглядит так бездоказательно в ваших глазах.

РОЗАЛИНДА. В моих глазах?! Попались бы вы на глаза своей возлюбленной с такими доказательствами! Впрочем, она, скорей всего, поверила бы в вашу любовь, хотя вряд ли призналась бы в этом даже себе самой. Женщинам очень приятно обманывать себя на этот счет. Но если не шутя, неужели это вы уродуете деревья стихами, посвященными Розалинде?

ОРЛАНДО. Увы, юноша. Клянусь нежной ручкой Розалинды, это несчастный – перед вами!

РОЗАЛИНДА. Неужели эти стихи выражают всю силу вашей любви?

ОРЛАНДО. Ни стихи, ни разум человеческий не в могут выразить то, что невыразимо.

РОЗАЛИНДА. Но ведь влюбленный – это сумасшедший, и его, как всякого безумца, следует подвергнуть бичеванию и засадить под замок. И если этих идиотов не лечат таким

образом, то лишь потому, что любовное безумие сродни эпидемии: оно свирепствует и среди тех, кому следовало бы стать врачами. И только я своими предписаниями исцеляю несчастных больных.

ОРЛАНДО. Неужели вы кого-то уже исцелили?

РОЗАЛИНДА. Одного исцелил. Дело было так. Я заставил его вообразить, что я – его возлюбленная. Он должен был, по моему приказу, ежедневно обхаживать меня. А я, подобно молодой луне, непрерывно менялся. Женщина в моем исполнении была то капризной и жеманной, то желанной и любящей; она представала то гордой и неприступной, то веселой и легкомысленной; порою она заливалась слезами, порою беспричинно хохотала; иногда она понарошку прикидывалась страстной, то есть поступала как дети, а дети и женщины – это ведь животные одной породы. Она то любила беднягу, то ненавидела; то звала, то прогоняла; то жалела, то высмеивала. В результате этих процедур любовная болезнь моего пациента превратилась в душевную: он вырвался из водоворота обыденности и затаился в монастырской тиши. Мое лечение пошло ему на пользу. Если хотите, я могу заняться и вашим сердцем: очищу ее от любовной копоты, промю и сделаю похожей на сердце здорового осла.

ОРЛАНДО. Нет, юноша, меня исцелить невозможно.

РОЗАЛИНДА. Для меня нет ничего невозможного. Вы только зовите меня Розалиндой и каждый день являйтесь вздыхать под мое окошко.

ОРЛАНДО. Клянусь любовью, приду. А где вы живете?

РОЗАЛИНДА. Идемте, я вам покажу. А вы расскажете, как найти вас.

ОРЛАНДО. Буду рад сделать это, милый юноша.

РОЗАЛИНДА. Нет, я теперь для вас Розалинда, привыкайте. Сестра, идем? (*Уходят.*)

Акт третий. Сцена третья

Другая часть леса.

Входят ТОЧИЛЛИ и ОДРИ. За ними – ЖАК.

ТОЧИЛЛИ. Милая Одри, давай вместе пасти твоих коз. Ну-с, Одри, я тебе по сердцу? Как ты относишься к моему скромному образу?

ОДРИ. Образу? Господи помилуй! Никогда бы не подумала, что вы носите с собой образ.

ТОЧИЛЛИ. С тобою, Одри, я ни дать ни взять влюбленный из поэтов – благородный Овидий. Я спокоен среди твоих коз, как и он, не опасаясь козней Августа, был спокоен среди готов.

ЖАК (*в сторону*). О образованность! Как ты оказалась в таком убожестве!

ТОЧИЛЛИ. Когда твоих стихов не слушают, когда твои остроты не попадают в цель, – это ужасней, чем для бродяги невозможность заплатить за выпивку в трактире. Почему боги не сделали так, чтобы поэзия была у тебя в чести?

ОДРИ. Постыдились бы. Я вам никакая не поэзия, я девушка честная. А много ли чести в вашей поэзии?

ТОЧИЛЛИ. Как тебе сказать. По-настоящему честная поэзия пропитана ложью. Все влюбленные падки до поэзии, поэтому их поэтические клятвы, сочиненные во имя любви, насквозь лживы.

ОДРИ. А вы смешали мою честь с этой поэзией да еще обращались к богам при этом! Век бы мне не знать вашей поэзии!

ТОЧИЛЛИ. Напрасно ты честишь поэзию. Ты вот клялась своей честью, но если бы в тебе была хоть капля поэзии, я бы смел надеяться, что ты лжешь.

ОДРИ. Разве вам не нравится, что я честная девушка?

ТОЧИЛЛИ. Ничуть. С твоею честностью тебе надо было уродиться некрасивой. А честность в сочетании с красотой – это все равно что мед, сдобренный сахаром.

ЖАК (*в сторону*). Ужасно умно для дурака!

ОДРИ. Но раз уж боги не создали меня красивой, пусть они помогут мне остаться честной.

ТОЧИЛЛИ. Видишь ли, честь, с которой носятся нечистоплотные дурнушки, напоминает мне добрый кусок мяса, поданный на грязном блюде.

ОДРИ. Нет, я, благодарение Богу, хоть и некрасива, зато чистоплотна.

ТОЧИЛЛИ. Если ты благодаришь Бога за некрасоту, – дай срок – будет тебе и нечистоплотность. Но я все равно на тебе женюсь. Я говорил с викарием соседней деревни, сэром Оливером Путансом. Он любезно согласился сочетать нас здесь, в лесу.

ЖАК (*в сторону*). Вот бы взглянуть на это бракосочетание!

ОДРИ. Дай нам Бог жить дружно!

ТОЧИЛЛИ. Аминь. Кто-нибудь другой на моем месте до смерти перепугался бы от подобной затеи. И то сказать, вместо храма лес, вместо свидетелей рогатые животные. Но что нам до чужих рогов? Мужайся, Точилли! От рогов, как это ни гнусно, не убежишь. Недаром говорят: ни один человек не знает всего изобилия, в котором живет. Еще бы! Ни единый не знает, насколько длинны его рога. Но муж тут ни при чем. Рога ему от жены вместо приданого. Рога? Именно. И не только у людей бедных, нет! У благородного оленя рога куда ветвистее, чем у сельского быка. Стало быть, благословенна участь холостяков? Ничуть. Город с каменными стенами настолько же ценнее деревни, насколько лысина рогатого жена-

тика солиднее голого холостяцкого лба. И поскольку уметь держать оборону лучше, чем спастись бегством, постольку наличие рогов почтеннее их отсутствия. А вот и сэр Оливер.

Входит ОЛИВЕР ПУТАНС.

Рад вас видеть, сэр Оливер. Вы совершите обряд под этим деревом или вам необходимо что-то вроде алтаря?

ОЛИВЕР ПУТАНС. А кто вам вручит вашу невесту?

ТОЧИЛЛИ. Никто. Такого подарка я бы не принял ни от кого.

ОЛИВЕР ПУТАНС. Нет, надо все делать по закону: ее должны вам вручить.

ЖАК (*выходя*). Венчайте их. Я сделаю все, что нужно.

ТОЧИЛЛИ. Привет вам, господин Имярек. Вы очень кстати. Как ваше здоровье? Благодарю вас Бог за то, что вы в прошлый раз составили мне компанию. Я рад вас видеть. Не стоит снимать шляпу, наденьте ее, пожалуйста.

ЖАК. Зачем ты женишься, шут?

ТОЧИЛЛИ. А зачем быку ярмо, коню седло, а человеку жена? Голуби целуются, а супруги милуются.

ЖАК. Приспичило же такому утонченному человеку, как вы, жениться среди каких-то кустов. Вы же не бродяга. Шли бы вы в церковь, где опытный священник по-настоящему освятит ваш союз. А этот соединит вас так же, как скрепляют обойные доски: если хоть одна из них будет из непросушенного дерева, она со временем рассохнется и в самый неподходящий момент даст трещину: крак!

ТОЧИЛЛИ (*в сторону*). А по мне, лучшего священника и не надо. Он обязательно что-нибудь напутает, и когда мне захочется бросить жену, я смогу доказать недействительность свадебного обряда.

ЖАК. Послушайся меня, иди в церковь.

ТОЧИЛЛИ. Что ж, милая Одри, идем.

Мы или станем мужем и женой,
Или погрозим во грехе с тобой.

Всяческих вам благ, милейший сэр Путанс. Или лучше так:

Путанс, как вы добры!
Путанс, как вы мудры!
Сочетайте нас таинством брака.
Или, может быть, так?
Убирайтесь, мой друг.
Мне теперь недосуг.
Мне сегодня уже не до брака.

(ЖАК, ТОЧИЛЛИ и ОДРИ *уходят*.)

ОЛИВЕР ПУТАНС. Пусть эти молодые шалопаи глумятся над моим саном, пусть! Со своего пути я все-таки не сойду! (*Уходит*.)

Акт третий. Сцена четвертая

Другая часть леса.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

РОЗАЛИНДА. Не приставай ко мне, я сейчас расплачусь.

СЕЛИЯ. Плачь на здоровье, только не обессудь: мужчины, насколько мне известно, не плачут.

РОЗАЛИНДА. Даже если у них такая же причина для слез, как у меня?

СЕЛИЯ. О такой причине они могут только мечтать. Ну, а ты просто обязана поплакать.

РОЗАЛИНДА. И волосы-то у него, как у Иуды.

СЕЛИЯ. Пожалуй, потемнее. Зато его поцелуи – прямые потомки иудиных.

РОЗАЛИНДА. И все же волосы у него прекрасные.

СЕЛИЯ. Краше некуда: каштановый – всем цветам цвет.

РОЗАЛИНДА. А его поцелуи чисты, как приобщение Святых Таин.

СЕЛИЯ. Сама Диана целовала его в уста. Сестры из зимнего ордена могут только завидовать чистоте его поцелуев: само целомудрие освежает их.

РОЗАЛИНДА. А почему он нарушил клятву и не пришел?

СЕЛИЯ. Потому что он всегда нарушает свои клятвы.

РОЗАЛИНДА. Ты это серьезно?

СЕЛИЯ. Не настолько, чтобы считать его карманником или конокрадом, однако искренность его любви можно сравнить с опорожненной бутылкой или с вылуценным орехом.

РОЗАЛИНДА. По-твоему, он ветрен в любви?

СЕЛИЯ. Если любит, то да, но в нашем случае, кажется, любовью и не пахнет.

РОЗАЛИНДА. Но ты же собственными ушами слышала, как он клялся в любви.

СЕЛИЯ. Вчера слышала, но сегодня пока еще нет. Кроме того, клятвы влюбленного сродни речам торговца: оба пытаются всучить просроченные векселя. Кстати, он здесь в лесу состоит при герцоге, твоём отце.

РОЗАЛИНДА. Вчера я имела удовольствие встретиться с отцом и ответить на кучу его вопросов. Особенно он интересовался моим происхождением, но я сказала, что в этом отношении мы с ним совершенно равны. Он лукаво посмотрел на меня и удалился. Но к чему ты приплела моего отца, когда у нас есть более существенный предмет для разговора – Орландо?

СЕЛИЯ. О, он поистине прекрасен! Прекрасны его стихи, его речи, его клятвы, которые он беззастенчиво разбивает о сердце своей возлюбленной, – это в нем особенно прекрасно. Он похож на горе-рыцаря, который пытается атаковать противника сбоку, но вылетает из седла с переломанным копьем, напоминая при этом гусака, хотя и благородного. Но разве не прекрасно все, что делает молодость, помноженная на сумасбродство! Но сюда идут.

Входит КОРИНН.

КОРИНН. Вы, господа, все интересовались

Тем по уши влюбленным пастушком,

Который, помните, ходил за мною

И до небес превозносил пастушку,

Жестокою владычицу свою.

СЕЛИЯ. И что с того?

КОРИНН. Хотите посмотреть

На представление в живых картинах,
Где бледную, но искреннюю страсть
Румяное бесстрашие отвергает?
Пожалуйста, могу вам показать.
РОЗАЛИНДА. Чужая страсть подпитывает пыл
Того, кто от любви лишился сил.
Сочувствуя игре чужих страстей,
Я, может быть, приму участие в ней.

(Уходят.)

Акт третий. Сцена пятая

Другая часть леса.

Входят СИЛЬВИЙ и ФЕБА.

СИЛЬВИЙ. О Феба, не гони меня, о Феба!
Не убивай с небрежностью такой.
Палач, и тот свою жалеет жертву,
Хоть от привычки головы рубить
Окаменело сердце у него.
Иль ты, неумолимее, чем он,
Чья жизнь – кровопролитие сплошное?

ФЕБА. Хорош палач я, нечего сказать,
Раз не могу от жертвы убежать.
Мои глаза, сказал ты, убивают?
Ты очень мил, а главное – правдив.
По-твоему, нежнейшие глаза,
Что прячутся пугливо от пылинки,
Тираны, душегубы, палачи?
Раз так, то я сейчас тебя убью.
Как? Ты не умер? Даже не упал?
Хоть притворился б! И тебе не стыдно?
Не ложь ли, что мои глаза – ножи?
Куда ты ими ранен, покажи.
Вот если б ты иголкой укололся
Или ладонь порезал о тростник,
Заметны были б или след укола,
Или царапина, или порез.
Ну, а мои глаза не мечут стрел:
Ты цел и невредим и можешь снова
Напрасно их винить Бог знает в чем.

СИЛЬВИЙ. Когда-нибудь, о Феба дорогая,
Твоя неискушенная душа
Узнает, что такое сила страсти.
Тогда поймешь ты – поздно, к сожаленью! —
Что от любовных стрел не видно ран.

ФЕБА. Там видно будет, а до той поры
Исчезни с глаз. Как та пора настанет,
Нешадно надо мною издевайся,
А я тебя сейчас не пощажу.

РОЗАЛИНДА (*выходя*). Но почему, простите? Кто вы родом,
Что вы не только мучите его,
Но радуетесь, пытки изощряя?
Вы вовсе не красotka, – воля ваша,
Но если с вами спать, то в темноте.
Зачем играть бездушную гордячку?
Что смотрите? Неужто я не прав?

Вы созданы природою для рынка,
По трафарету. Черт меня возьми!
Глядит, как будто хочет обольстить!
Не обольщайтесь, милая моя.
Во мне не пробуждает обожанья
Стеклярус ваших глаз, ни смоль волос,
Ни творог щечек, ни чернила бровок.
А ты, пастух, в уме ль? Ходить за нею,
Как вслед за тучей ветры и дожди?
Найдутся дураки и без тебя
Уродов делать. Ты ведь как мужчина
Красивей, чем как женщина она.
Ты для нее что зеркало, пастух.
Глядясь в тебя, она воображает
Себя неотразимой. Полно, девка!
Ты небеса должна благодарить
За то, что хоть один в тебя влюбился.
И вот тебе мой дружеский совет:
Пока есть покупатель, не торгуйся.
Считай за счастье стать его женой:
Злой страхолюд страшнее, чем незлой!
Пастушка, полюби его. Прощай.
ФЕБА. Ах, юноша, ругательство твое
Милее мне, чем вся его любовь!
Хоть целый год ругайся напролет.

РОЗАЛИНДА (*в сторону*). Он очарован ее уродством, она – моим злоречием. Отныне, когда она будет угощать его суровыми взглядами, я буду приправлять ее суровость острыми речами. – Что означает твой, пастушка, взгляд?

ФЕБА. Отнюдь не злобу к вам.
РОЗАЛИНДА. Не вздумай только
В меня влюбиться, горько пожалеешь.
В любви я лживее застольных клятв.
А коль захочешь ты меня найти,
Мой дом среди оливковых деревьев.
Сестра, идем? – Пастух, возмись покруче. —
Идешь, сестра? – Помягче будь, пастушка.
Не зли его. Будь рада, что хоть он
В тебя, и то по глупости, влюблен.
Пора нам в поле, милая сестра.

(РОЗАЛИНДА, СЕЛИЯ и КОРИНН *уходят*.)

ФЕБА. Пастух умерший прав: «Тот не влюблен,
Кто не был первым взглядом покорен!».
СИЛЬВИЙ. О Феба, ты...
ФЕБА. Да, Сильвий, что тебе?
СИЛЬВИЙ. О Феба, я страдаю!

ФЕБА. Милый Сильвий,

Тебе я сострадаю.

СИЛЬВИЙ. Так утешь!

Ведь если сострадаешь ты тому,

Кто, Феба, от любви к тебе страдает,

Ты и сама влюбишь в него, – и вмиг

Страдание растворится в сострадании.

ФЕБА. Но я тебя – как ближнего – люблю.

СИЛЬВИЙ. А как мужчину?

ФЕБА. Это – себялюбье!

Нет, я тебя уже не ненавижу,

Как раньше, но еще и не люблю.

Ты мило рассуждаешь о любви,

Не скучно мне, как некогда, с тобой

И не докучны мне твои услуги.

Но большего не требуй от меня

И радуйся, что я тебя терплю.

СИЛЬВИЙ. Настолько чист огонь любви моей,

Настолько ты не жалуешь меня,

Что будут для меня обильной жатвой

Жнецом несрезанные колоски.

Лишь согласишься хотя бы мимоходом

Улыбкой жизнь поддерживать во мне.

ФЕБА. А кто был тот невежливый юнец?

СИЛЬВИЙ. Он здесь недавно, я его не знаю,

Но он и приобрел у старика

И пастбище, и стадо, и овчарню.

ФЕБА. Не вздумай ревновать, я просто так.

Мальчишка грубиян, но златоуст.

А что такое грубость, если тот,

Кто нам грубит, приятен нам? А мальчик

Смазлив, не так, чтоб очень, но смазлив.

И, верно, горд. Но гордость не порок.

Вот будет сердцеда! А как глядит!

Словами ранит – взглядом исцеляет:

Не успеваешь рану ощутить.

Будь он повыше... Впрочем, подрастет.

Нога могла быть лучше, но стройна.

А губы – так бы и поцеловала! —

Пунцовы, как и щеки у него:

Отличны те от этих лишь оттенком,

Как алый цвет от розового цвета.

Внимательно мальчишку рассмотрев,

Пред ним бы ни одна не устояла.

Да, Сильвий, но... его я не люблю...

Однако не могу и ненавидеть,

Хоть есть за что... его мне не любить.

Как он посмел глумиться надо мной?

Глаза, сказал, и волосы черны.

Ну да, он оскорблял меня, конечно!
Как я ему смолчала, не пойму?
Жаль, но упущенного не вернуть.
Ему пошлю я колкое письмо,
А ты его снесешь. Согласен, Сильвий?
СИЛЬВИЙ. А как же, Феба!
ФЕБА. В сердце и уме
Мое посланье сложено давно.
Язвительно и коротко оно.
Осталось написать. Идем же, Сильвий.

(Уходят.)

Акт четвертый. Сцена первая

Арденнский лес.

Входят РОЗАЛИНДА, СЕЛИЯ и ЖАК.

ЖАК. Я бы хотел, милый юноша, побеседовать с тобой.

РОЗАЛИНДА. Говорят, вы водитесь с меланхолией?

ЖАК. Да, я предпочитаю меланхолию развлечениям.

РОЗАЛИНДА. Большие дозы того или другого в равной степени отвратительны в людях, которые в общественном мнении должны были бы котироваться ниже горьких пьяниц.

ЖАК. А разве плохо быть грустным и молчаливым?

РОЗАЛИНДА. Немногим хуже, чем быть простым столбом.

ЖАК. Поймите, я меланхоличен не как непризнанный ученый; и не как погруженный в себя музыкант; и не как надменный придворный; и не как мечтающий о славе солдат; и не как расчетливый дипломат; и не как признанная красавица; и не как безнадежно влюбленный, который меланхоличнее всех вместе взятых. Нет, я меланхоличен по-своему; моя меланхолия многосоставна, многопланова и в то же время проста. Она, я бы сказал, является экстрактом моих путевых впечатлений, размышления о которых вызывают у меня разлитие черной желчи и вследствие этого – грусть.

РОЗАЛИНДА. Так вы путешественник! Так бы сразу и сказали. Теперь понятно, отчего вы грустны. Боюсь, вам удалось поглазеть на чужое добро, лишь промотав свое. А разглядывать чужое, не имея за душой своего... Помните пословицу: видит око да зуб неймет?

ЖАК. Зато я познал жизнь.

РОЗАЛИНДА. И от этого загрустили? Я бы предпочел жизнерадостную глупость, чем знающую жизнь безрадостность. Стоило путешествовать ради того, чтобы узнать жизнь, которая вас и знать не пожелала.

Входит ОРЛАНДО.

ОРЛАНДО. Поклон и счастье милой Розалинде!

ЖАК. Опять стихи? Нет, я этого не вынесу! Прощайте. (*Уходит.*)

РОЗАЛИНДА. Прощайте, господин Путешественник! Если вы не пришепечиваете, не одеаетесь по-заграничному, не издеаетесь над обычаями своего народа, не смеетесь над своими родителями и не вините Господа Бога в своей никчемности, кто вам поверит, что вы были, например, в Венеции и катались в гондоле. – Как, это вы, Орландо? Вы уже здесь? Я не ждала вас так рано! Хорош влюбленный! Если вы еще раз меня обманете, можете не показываться мне на глаза.

ОРЛАНДО. Милая Розалинда, если я вас и обманул, то всего на час.

РОЗАЛИНДА. На целый час обмануть любовь! Если так называемый влюбленный опоздает на тысячную долю тысячной доли секунды к своей возлюбленной, то я готова держать пари, что Купидон только пощекотал его, а сердца даже не задел.

ОРЛАНДО. Смилуйся, дорогая Розалинда.

РОЗАЛИНДА. Прочь с глаз моих! Раз вы так неторопливы, пусть моим поклонником станет улитка.

ОРЛАНДО. То есть как – улитка?

РОЗАЛИНДА. А вот так! Улитка медленно ползет, потому что тащит на себе собственный дом. Такого свадебного подарка вам нипочем не преподнести вашей избраннице. Ко всему прочему, улитка всегда ползет за своей судьбой.

ОРЛАНДО. За какой судьбой?

РОЗАЛИНДА. За своими рогами. Ведь именно за них вам подобные благодарят своих супругов. А улитка женится, будучи уже рогатой, и не оскорбляет жену подозрением в измене.

ОРЛАНДО. Добродетельные женщины не изменяют, а моя Розалинда – из таких.

РОЗАЛИНДА. Вы говорите обо мне?

СЕЛИЯ. Как ты себя ни тешь, у него есть Розалинда почище тебя.

РОЗАЛИНДА. Вот как! Тогда я меняю гнев на милость. Можете за мной поухаживать, у вас есть все шансы кое-чего добиться. А любопытно, будь я вашей настоящей-пренастоящей Розалиндой, о чем бы вы со мной говорили?

ОРЛАНДО. Я бы поцеловал тебя безо всяких разговоров.

РОЗАЛИНДА. Нет, до этого вам все же пришлось бы долго уговаривать меня, а если бы вы иссякли, можно было бы приступить к поцелуям. Когда хороший оратор запинается, он пьет воду, а когда влюбленный теряется в разговоре с любимой – храни нас Бог от этого! – он прибегает к поцелуям.

ОРЛАНДО. А если он не добьется поцелуя?

РОЗАЛИНДА. Тогда беседа завязывается снова: он снова приступает к уговорам.

ОРЛАНДО. Можно ли так потеряться в разговоре с госпожой своего сердца?

РОЗАЛИНДА. Будь я госпожой вашего сердца, вы бы смогли. Не то пришлось бы признать, что мое целомудрие одержало победу над моим умом.

ОРЛАНДО. Стало быть, если я посватаюсь к моей Розалинде, я могу перед ней опростоволоситься?

РОЗАЛИНДА. Только в том случае, если у вас что-нибудь расстегнется из одежды. Но, кажется, вы забыли обо мне, а я и есть ваша Розалинда.

ОРЛАНДО. Я рад лишний раз назвать тебя Розалиндой, потому что готов бесконечное количество раз повторять это имя.

РОЗАЛИНДА. Ну, так знайте: на ее месте я бы вам отказала.

ОРЛАНДО. А я бы тогда умер не сходя с этого места.

РОЗАЛИНДА. Не верю. Едва ли умрете без помощи адвоката. За шесть тысяч лет от сотворения мира ни один мужчина не умер на своем месте, то бишь не умер от любви. Троил – и тот, как ни старался, а помер от удара греческой дубинкой по голове. А уж он-то казался идеальным любовником. Жаль, что Геро не успела уйти в монастырь, а то Леандр еще долго наслаждался бы жизнью. Но молодому человеку захотелось окунуться жаркой летней ночью; он нырнул в Геллеспонт, заплыл далеко от берега, потом судороги и – конец. А древние дураки приплели ни с того ни с сего Геро из Сестоса. Выходит, – солгали. Мужчины порою умирают, умерших мужчин поедает червь, но при чем здесь любовь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.